

The background of the cover is a dark, starry night sky. A large, bright, swirling nebula or comet tail is visible on the right side. Numerous small, purple, butterfly-like creatures are scattered throughout the scene, some appearing to fly around the characters. The overall color palette is dominated by deep purples, blues, and the golden-yellow of the woman's hair.

Мелинда
Солсбери

ЕЁ
ТЁМНЫЕ
КРЫЛЬЯ

18+

Мелинда Солсбери
Её тёмные крылья
Серия «Young Adult. Пробуждение
магии. Тёмное фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69515677
М. Солсбери. Её тёмные крылья: ООО «Издательство «Эксмо»;
Москва; 2023
ISBN 978-5-04-190790-7

Аннотация

Сколько Кори себя помнила, Бри всегда была её лучшей подругой. Они были почти сёстрами, пока на празднике девушка не застала подругу в объятиях собственного парня. Жестокое предательство в один момент разрушило нерушимую связь. Прежний мир Кори рухнул. Но теперь Бри мертва, а Кори винит в этом себя, ведь она так желала подруге смерти...

Одинокая и убитая горем девушка ещё не подозревает, что Загробный мир гораздо ближе, чем ей казалось. Случайный поцелуй с очаровательным таинственным незнакомцем на вечеринке – почему это случилось именно в ту ночь? Вскоре девушка узнаёт, что притягательный Аид, Повелитель мёртвых, уже наблюдает за ней и ждёт новую гостью в своём царстве...

Содержание

Посев	6
Инвазивные виды[4]	12
Остатки	26
Подсевная культура	35
Энтропия	43
Толерантность	54
Культивирование	66
Этиолирование[9]	77
Экспозиция	84
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Мелинда Солсбери

Её тёмные крылья

Melinda Salisbury

Her Dark Wings

© 2022 by Melinda Salisbury

© Коношенкова А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Франци и Кате,
моим фуриям,
моим сестрам.*

Поведай о мире, в котором боги все еще правят Олимпом, где они разлились по миру как алый рассвет и долгие годы держались своего пути.

Воспой, Муза, порожденье Титанов: Зевса, Посейдона, Деметру. И Аида, что мрачен во царстве подземном своем.

Харона воспой, как и фурий, и реки Аида. Поведай, где ныне треглавой Гекаты приют. Поведай о сладкоречивом Гермесе-бродяге, что ниспускается в ад и выходит оттуда живым.

Поведай затем мне о юной садовнице милой, что сокрыта за краем земли; о предательстве, мести, расцвете и чувстве вины. Поведай о сердце, что было разбито и цело. Что значит прощать и сажать семена для ростка.

Поведай грядущее, Муза.

Воспой.

Посев

На следующее утро после праздника мистер Мак-Киннон, который в свободное от преподавания время писал и издавал местную газету «Островной Аргус», опубликовал срочный выпуск. Должно быть, он начал работать над ним сразу, как вернулся домой, а затем полночи колесил по Острову на велосипеде, чтобы к завтраку у всех был свой собственный экземпляр. Как много он приложил усилий для этого.

Заголовок гласил: «Героиня Дейли».

Я-то знала, что мистер Мак-Киннон ссылаясь на Геро из мифа о Геро и Леандре, потому что мы только что закончили проходить с ним в школе «Письма героинь» Овидия. Вероятно, это было первое, о чем он подумал: как же по-дурацки получилось, что девушка, которая читала на его уроке миф о двойном утоплении, утопла раньше, чем получила свое эссе обратно. Но все остальные, прочитав «героиня» в заголовке, представляли себе персонажей фильмов или грозных воителей из эпических поэм. Людей, что жили и умирали, зачиная войны, участвуя в войнах или оканчивая войны – где-то там всегда присутствовала война. Никто и не вспомнил о той героине из цикла Овидия, которая была всего лишь девушкой.

Так что заголовок всеобщего восторга не вызвал.

Келли Мартин, директор местного супермаркета, носилась от двери к двери с ручной тележкой, собирая все экзем-

пляры, что могла получить, но наш я ей не отдала. Она вывалила их перед дверью мистера Мак-Киннона, а Том Крофтер, если верить слухам, на них помочился – но только на последнюю страницу, из уважения к погибшей. Он старался избегать фотографии девушки, найденной мертвой в озере в день Тесмофории¹.

Героиня Дейли.

Вот что я вам скажу насчет Бри Давмьюр – героиней она не была.

Бри Давмьюр была моей лучшей подругой, сколько я себя помню. Пока не стала человеком, которого я ненавидела больше всего на свете. Иногда, правда, вторым по ненависти человеком – тут уж зависело от настроения.

Еще три месяца назад мы были Бри-и-Кори, Кори-и-Бри, – произносятся в одно слово, воспринимаются как единое целое, двуглавое воплощение одной сущности, мини-гидра. На фото, которое мистер Мак-Киннон взял со школьного сайта и использовал для своей статьи, были мы двое. Вот только меня он обрезал. И даже сейчас я не могла не отметить иронию.

Несмотря на старания мистера Мак-Киннона, на фото можно было заметить завиток моей ушной раковины, прижатой к ее уху, и наш двойной пирсинг-хеликс, за который нас посадили под домашний арест в позапрошлом лето: меня

¹ Тесмофории – древнегреческий религиозный праздник в честь богини Деметры и ее дочери Персефоны.

на неделю, а Бри до конца каникул. Мы держали друг друга за руки, когда иглы пронзали уши раз, потом другой, а наши пульсы бились в такт мелодии, которую мастер выстукивала ногой.

Я не хотела прокалывать уши, но Бри умоляла меня не бросать ее. А когда мои проколы воспалились, подруга, разумеется, настояла, чтобы я оставила серьги, заставив меня поклясться не снимать их. Самое печальное, что, когда осенью мы вернулись в школу, сокрыв кольца под волосами, мне казалось, оно того стоило.

Уже тогда я должна была догадаться, что она змея: Бри сразу же заменила дешевые сережки серебряными, так что мы совсем не походили друг на друга.

Словно проблем с заголовком было недостаточно, мистер Мак-Киннон попытался изменить размер фотографии, но накосячил с пропорциями, растянув ее челюсть и увеличив лоб. Если бы ниже не прилагался некролог, я восхитилась бы этим жутким лицом с плаката «Разыскивается». Если бы ниже не прилагался некролог, я бы с радостью разукрасила фото – зачернила зубы, пририсовала монокбровь и парочку волосатых бородавок. Выколола бы Бри глаза циркулем из моего школьного пенала. Наклеила бы ее лицо на чучело, сделанное из травы и волос, слюны и крови, и призвала бы фурий проклясть бывшую подругу за ее злодеяния. Но это был некролог, поэтому смысла в этом я не видела – худшее уже произошло.

Фотография была сделана в конце учебного года; и впереди нас ожидало лето, которое должно было стать самым лучшим, потому что нам исполнилось по семнадцать, а Бри божилась, что лето в семнадцать – лучшее, что когда-либо могло случиться в жизни. И не вполне честно говорить, что это был снимок нас двоих, потому что на нем также был Алистер Мюррей.

Я стояла посередине, эдакий мост между ними: лучшая подруга Бри и девушка Али. Пока Бри и Али не решили, что мост им в конце концов больше не нужен. И тоже не вырезали меня с фото.

Когда кто-то умирает, существуют определенные ритуалы, которые необходимо выполнить. Тело надо обмыть и обработать оливковым маслом, а на губы положить монетку для Лодочника, чтобы тот доставил душу в Загробный мир. В ночь перед похоронами совершается протесис, когда женщины исполняют над телом усопшего погребальные песнопения. На следующий день экфора, похоронная процессия, направляется к могиле, где в качестве подношений Аиду в могильную яму изливаются молоко и мед, вода и вино. Иногда плакальщики предлагают богу прядь своих волос. Наконец, в честь покойного проходит поминальный пир, называемый перидейпнон².

Без должных церемоний тело умершего останется на бере-

² Протесис, экфора, перидейпнон – традиционные этапы греческих похорон.

гу Стикса³, неспособное двигаться дальше и достичь Загробного мира. Что-то подобное есть, и когда парень бросает тебя. Существуют определенные ритуалы, которые тоже нужно выполнить. Не официальные, конечно, – не то чтобы где-то существовало священное писание о разбитых сердцах, – но хорошо всем известные. Опробованные и надежные средства, как пережить расставание. И ты должен их соблюсти, иначе не сможешь двигаться дальше.

Сперва ты приглашаешь всех своих друзей на ночевку, и они приходят в твой дом, чтобы тебе не пришлось одеваться или выходить на улицу, где можно ненароком столкнуться с бывшим. Это протесис. Но вместо заунывных панихид вы распеваете свои любимые песни, начиная с грустных, а затем переходя к действительно злым, непристойным и «идиты-на-хрен» песням. Как только достаточно разозлишься, а кровь вскипит в теле, ты удаляешь номер бывшего из телефонной книжки, стираешь все сообщения и блокируешь его в соцсетях. Надо успеть сделать это раньше, чем он, – что особенно важно, если бросили тебя, а не ты.

Затем все начинают нагло врать, утверждая, как сильно ненавидят твоего бывшего и что он тебя не достоин. Обещают, что скоро все наладится и мир раскрасится более яркими красками; вспоминают, кто нынче одинок и всегда о тебе мечтал. Эти слова и поступки питают и услаждают тебя – это

³ Стикс – одна из пяти рек, протекающих в подземном царстве Аида (другие четыре: Лета, Ахерон, Коцит и Флегетон).

и есть твой передейпнон. А действительно хорошие друзья прихватят с собой еще и мороженое.

Небольшими шажками начинаешь возвращаться к жизни.

Неделю спустя церемониально отрезаешь прядь или несколько, делаешь новую стрижку или красишься во все цвета радуги. А еще через неделю целуешься с чьим-то братом или кузенком на руинах старинного монастыря на Фрейзер-Филд. Через месяц, когда становится очевидно, что отношениям в самом деле пришел конец, ты собираешь все его подарки и предаешь их огню на заднем дворе, призывая Афродиту ниспослать тебе в следующий раз парня получше. Твои соседи переживают за искры и деревянные заборы и мрачно бормочут что-то про шум, пока вы с друзьями отплясываете ритуальные танцы вокруг железного бака, наполненного сожженными воспоминаниями, но ничего не попишешь, придется соседям потерпеть.

Таковы обряды расставания, и, если провести их как предполагается, это залечит раны.

Но когда Али и Бри кинули меня на произвол судьбы и сошлись друг с другом, ритуалов не случилось, потому что у меня не осталось лучшей подруги на роль плакальщицы. Я застряла на берегу Стикса.

А теперь Бри действительно мертва. И если вам интересно, грустно ли мне от того, что мы теперь никогда не сможем вернуть нашу дружбу, я отвечу «Нет». Я не грустила.

Я желала ей смерти.

Инвазивные виды⁴

Незадолго до того, как ее нашли, я находилась за южным амбаром с Астрид Крейн, которая «удочерила» меня после предательства Али-и-Бри, и другими ребятами из нашей школы – достаточно далеко от костра, чтобы родители могли притвориться, что не замечают нас.

Астрид где-то стащила бутылку вина и поделила со мной последние глотки. Я никогда раньше не пробовала алкоголь, но то была прежняя, счастливая Кори, у которой имелся парень и лучшая подруга. У новой Кори не было ни того, ни другого, поэтому я позволила себе пригубить напиток и обвела взглядом толпу в поисках Бри и Али.

Я постоянно делала это: в городе, в школе, повсюду. Они стали моим новым севером, и стрелки внутреннего компаса обращались к ним всякий раз, как эти двое оказывались поблизости. Тем вечером я не могла решить, чувствовала ли облегчение или опустошение, осознав, что они исчезли.

А еще не могла понять, как быть с парнем, которого я только что поцеловала.

Тесмофории идеально подходили для подобного. Этот древний праздник отмечали задолго до того, как появился обычай приветствовать дриад, проезжая через Зеленый лес

⁴ Инвазивные виды – биологический вид, распространение которого угрожает биологическому разнообразию.

— хотя их не видели тут веками, — и задолго до того, как начали кидать куколок из сосновых шишек с утеса Амфитриты в надежде задобрить Посейдона. Раньше Тесмофории проходили в три дня, прежде чем приступить к посевам озимой пшеницы. И только женщины допускались на празднество в честь богини Деметры. Теперь же он превратился в вакханалию длиной в одну ночь, во время которой все жители Острова напиваются до потери сознания и совершают глупости. В этом году включая и меня. Целующую незнакомца.

Я вовсе не считала, что нам с Али суждено быть вместе вечно, просто никогда всерьез не задумывалась о жизни после *Али*, пока она не началась. Поцелуй с кем-то не был неожиданностью, но я совершенно точно не планировала его, отправляясь на Тесмофории. С одной стороны, я была рада доказать всем и каждому, что двигаюсь дальше, чтобы меня наконец перестали жалеть. С другой же стороны, я волновалась, что забиваю гвоздь в крышку гроба, который, насколько я знала, уже давно был заварен.

Но больше всего я боялась того, что эта парочка решит, будто я прекрасно обхожусь и без них, будто они мне больше не нужны. Али и не был мне нужен, а вот Бри...

Я ненавидела ее. Но я никогда, никогда не представляла себе жизнь после *Бри*.

Когда незнакомый юноша подошел ко мне, протягивая руку, я стояла где-то на окраине праздника, набираясь храбрости, чтобы либо найти кого-то, с кем можно затусить, либо

отправиться домой и в тысячный раз слушать свой плей-лист для грусти.

И тут явился он – широкоплечий красавец с манящей улыбкой и подернутыми дымкой глазами – и пригласил занять место подле себя. Наши пальцы сплелись, и я последовала за ним в глубь толпы. Я умышленно не искала взглядом *тех двоих*, стараясь вести себя так, будто не могла думать ни о чем другом, кроме своего партнера, когда мы начали танцевать.

Я не знала, где они находятся, но была уверена, что Али и Бри не пропустят Тесмофории. Хотите правду? В тот момент мне очень хотелось, чтобы они были неподалеку и увидели, насколько я желанна. Чтобы весь Остров узнал, что у меня все в порядке и что юноша с золотой помадой на губах и выкованной из меди маской, которая в красном свете костра напоминала чешуйки, выбрал меня из всей толпы. Доказательство того, что свет клином не сошелся на Алистере Мюррее и Бри Давмьюр.

Я отчаянно хотела в это верить. И поцелуй позолоченных губ превратил желание в реальность.

Его губы были холодными, ощущались как лед, или соль, или алмазы – что-то чистое, острое и сверкающее; нечто, что смогло бы утолить жажду и пробудить ее, купить армию и начать войну. Холодные ладони приятно охлаждали мою разгоряченную кожу там, где касались ее. Мои пальцы так крепко уцепились за лацканы его пальто, что их свело судорогой. Я

хотела большего, поцелуй пробудил во мне голод. Этот юноша был подобен меду, который мне хотелось вкусить. Пропитаться им, как те «медовые люди», которых мы проходили на уроках истории. Чтобы он наполнил меня, стал моим потом и моими слезами. А когда это убьет меня, я хотела быть погребена в нем навеки.

Прежде я целовалась только с Али и понятия не имела, насколько иначе все может быть. Я думала, этот поцелуй будет таким же, как и сотни до него. Думала, что знаю, как все будет происходить.

Но, оказывается, я не знала ничего.

Это был поцелуй без любви или симпатии, мы даже имен друг друга не ведали. Поцелуй ради поцелуя. Представьте, что мне не все равно. Представьте, будто это действительно имеет значение.

Я слышала удары грома – так стучало мое сердце. Я была убеждена, что земля под нами разверзлась и мы летим все ниже, ниже и ниже, пока земная твердь не сомкнется над нами, похоронив заживо, но меня это вполне устраивало. Я *хотела* этого. Хотела его.

Я прильнула к незнакомцу всем телом и вздрогнула, когда его ладони переместились с моего лица на талию, прижимая к себе, удерживая. Кто-то рядом с нами громко и протяжно присвистнул, и я вспомнила, где мы находимся, и отпрянула от него, смутившись. Но мои пальцы все еще цеплялись за его пальто, и юноша не мог ускользнуть от меня, ведь я

еще не закончила — мы еще не закончили. А он по-прежнему прижимал меня к своей груди. Я заглянула в глаза парня, темные и горящие, словно он знал наверняка, о чем я думаю, и был с этим согласен. И мне пришлось отстраниться, потому что это было слишком.

Тогда-то и увидела Али и Бри. Я не сразу их признала, и дело было не только в масках. Бри больше не выглядела как Бри. В школе накануне ее каштановые волны были собраны в привычный пучок на макушке, а сегодня, обрезанные до подбородка и свободные от тяжести длины, они превратились в крупные кудри, подпрыгивающие на плечах.

У нас всегда были длинные волосы. Она годами хотела их обрезать, но мама не позволяла: и всякий раз, когда они ссорились, Бри грозилась отстричь волосы, но никогда на это не решалась — даже она не зашла бы так далеко. До сегодняшнего дня. Я почувствовала горечь от того, что бывшая подруга сделала что-то настолько важное, не сообщив мне, не позвав с собой в парикмахерскую, пусть мы и не разговаривали многие месяцы. Мне казалось, что она должна была сказать мне или предупредить. Посоветоваться, пойдет ли ей новая прическа. Бри шло, и это тоже ранило.

А еще большее было видеть ее в объятиях Али каждый день. Видеть их без меня.

Бри надела длинное клетчатое пальто, плотно затянутое на тонкой талии и колыхающееся при каждом повороте. Ее обветренное лицо светилось от согревающего тепла в отблес-

ках костра. На ее фоне я всегда казалась ребенком: небольшого роста, мягкая и округлая, с молочной кожей и пшеничными волосами. А Али, что обнимал ее, был высоким, широкоплечим, похожим на принца-воителя из древних легенд. Они выглядели как равные. Они выглядели так, будто принадлежат друг другу.

Это зрелище убило поцелуй. Отравило наш мед.

Парень проследил за моим взглядом и что-то сказал, но я не услышала его слов из-за пульсирующей в ушах крови, будто стая птиц разом поднялась в воздух.

Я желала ей смерти.

Желала всем своим сердцем. Потому что всего на мгновение я забыла и про нее, и про Али, и была счастлива. Но стоило увидеть их, как все обиды, гнев и унижение вернулись десятикратно, и воспоминания тотчас нахлынули на меня.

Я вспомнила, как они, должно быть, неделями смеялись над тем, какой наивной и доверчивой дурочкой я оказалась. Как Али каждый раз все дольше и дольше отвечал на мои сообщения, а я жаловалась Бри, что что-то не так, но подруга лишь отмахивалась от моей «паранойи». Как *она* начала затягивать с ответами, объясняя это тем, что ее утомила моя заикленность на странностях Али. И что они, вероятно, были вместе, когда я отправляла свои многочисленные сообщения, и скорее всего делились ими друг с другом.

Я вспомнила, как пыталась дозвониться до Бри по пути домой после того, как Али расстался со мной, но подруга ни

разу не ответила, не перезвонила, не извинилась. Вспомнила, как она послала своих младших братьев вернуть мои вещи и забрать те, что были у меня. Бри даже составила список: книги, кардиган, который ей никогда не нравился, три баночки лака для ногтей, полупустой тюбик крема для рук и, что хуже всего, большой синий свитер Али, который принадлежал мне значительно дольше, чем ему. Вспомнила, с какой изящностью Бри вычеркнула меня из своей жизни, в то время как я, месяцы спустя, по-прежнему пыталась ногтями вырвать из себя мельчайшие частицы бывшей подруги.

Я так сильно ненавидела ее в ту секунду.

Поэтому мысленно наслала проклятие, направляя его, словно дротик, прямо девушке в грудь. Пожелала Бри упасть замертво, чтобы ее утащили в Загробное царство и оставили там гнить.

Юноша снова что-то сказал.

– Что? – переспросила я, едва взглянув в его сторону, преисполнившись ненавистью.

Он не стал повторять, увлекая меня обратно в танец, подальше от Бри и Али и ближе к огню, который закрывал обзор. Но волшебство момента исчезло, и в нос ударили насыщенные запахи жира и лука от киоска с бургерами, а слух осквернили звуки расстроенной гитары со сцены. Я видела, как глупо мы все смотрелись: большинство из нас были одеты в джинсы, укутавшись от непогоды, а лица сокрыты под дешевыми масками с перьями и блестками, которые осыпа-

лись, смешиваясь с грязью под ногами. Словно этого хватило бы, чтобы боги, блуждающие среди людей, приняли нас за своих. Словно мы могли стать кем-то большим помимо человеческих существ.

Мы больше не целовались. И, как только музыка стихла, парень покинул меня, странно кивнув, прежде чем раствориться в толпе, словно персонаж какой-то пьесы. Я не винила его, потому что с чего бы ему оставаться? Никто не остается со мной. Ради меня.

Брошенная и одинокая, я на мгновение замерла, в ужасе представляя, что Али и Бри увидят эту сцену, но тут же заметила, что кто-то машет мне из амбара. Облегчение, которое я испытала, узнав Астрид, чуть не сшибло меня с ног.

Астрид подвинулась, чтобы освободить мне место, и я опустилась рядом, взяв бутылку, которую протянула мне девушка. Когда я поднесла ее ко рту, почувствовала на горлышке привкус помады. Губы юноши были прохладными и бархатистыми, и я провела языком по своим, чтобы вновь ощутить вкус соли и меда.

Осознав, что никто больше не носит маску, я сняла свою. Астрид подхватила ее и, усмехнувшись, надела на себя. Ее улыбка, запятнанная вином, походила на бездонную пропасть. Я вздрогнула.

– Кто это был? – Астрид навалилась на меня в приступе алкогольного дружелюбия.

– Без понятия.

Девушка внимательно осмотрела меня, и я поняла, какую глупость сморозила. На Острове проживало чуть больше тысячи человек, а единственными туристами здесь была супружеская пара средних лет, остановившаяся в небольшой гостинице типа «кровать и завтрак». Я сделала глоток вина и попыталась определить, кем был мой незнакомец – не одноклассником уж точно. Возможно, он пробрался к нам с какого-то другого острова и был одним из тех жителей, кто предпочитает чужие вечеринки местным. Я задумалась о том, как можно выяснить правду.

И внезапно меня пронзило острое осознание того, что я хочу узнать, кто этот парень, только чтобы все это повторилось. Что вскоре я собираюсь поцеловать кого-то – его – не просто, чтобы что-то кому-то доказать, а по-настоящему. И я не знала, что делать с данным фактом, потому что это походило на исцеление и движение вперед, к чему я еще была не готова. Ритуалы расставания не исполнились, а я не закончила возделывать свой сад из обид.

– Они все видели, – отвлекла меня от раздумий Астрид. – Али был вне себя от ярости, когда вы поцеловались.

– Али может отправляться в Тárтар, – ответила, довольная тем, как спокойно это прозвучало. Я совсем не чувствовала себя спокойной. Я чувствовала себя так, словно потерпела кораблекрушение. – Что думаешь о новой прическе Бри? – с той же непринужденностью продолжила я. *«Как будто мне было до этого дело».*

– Она напоминает шлем. Кажется, будто Бри вот-вот позовет управляющего.

– Точно, – засмеялась я, хотя мы обе знали, что это неправда.

Астрид выдернула бутылку из моих пальцев, поднесла ко рту и отпила, запрокинув голову и обнажив горло перед ночной темнотой, словно приносила жертву. Я посмотрела на небо. Было облачно, и звезды не сияли над нами. Не было ни единого шанса уловить Ориониды⁵. Ни единого шанса загадать желание.

Интересно, что подумала Бри, увидев меня целующейся с тем парнем. Почувствовала ли она шок или облегчение. Может, даже гордость. Если ее вообще это хоть каплю волновало.

Хантер Келли вскочил на ноги, его остекленевшие глаза сосредоточенно смотрели вдаль, пока он, пошатываясь, брел вперед, собирая всю волю в кулак, чтобы не наблевать у всех на виду. Это случалось с ним на каждой вечеринке, потому что парень совершенно не умел пить. Я достала телефон и посмотрела на время. Без пяти полночь. Я хотела, чтобы Али и Бри устроили жуткую ссору и расстались у всех на виду. Хотела пойти домой. Хотела найти того юношу. Я хотела.

Ларс и Ману начали звучно целоваться, и я припомнила, как прошлым летом мы с Али улизнули с праздника и ру-

⁵ Ориониды – метеорный поток, дважды в год встречающийся с Землей – 5 мая и 21–22 октября.

ка об руку побежали к нему домой, чтобы по максимуму насладиться тем, что там никого не было. Я огляделась, ища взглядом своего бывшего и его девушку, но не обнаружила их. *«Они улизнули, – предательски шепнул мне мозг. – Возможно, к Али, прямоком в его постель, пока ты стояла тут со своими тусклыми длинными волосами, распивая паршивое вино».*

В этот момент Хантер и закричал.

Астрид рывком подняла меня на ноги, и мы влились в толпу, бегущую к озеру. Люди срывали маски, лихорадочно вертели головами, оглядывая ближних, высматривая своих друзей. Облегчение проступало на их лицах, когда они понимали, что любимые в безопасности.

Все были в безопасности, кроме нее.

Толпа расступилась передо мной, хотя впоследствии этого никто не помнил. Том Крофтер уверял моего отца, что он всеми силами пытался помешать мне приблизиться к берегу, а мистер Мак-Киннон говорил Мерри, что велел мне держаться подальше. Но на Острове люди часто путаются в своих словах или забывают их. Нельзя верить всему тому, что здесь происходит.

Бри лежала в озере лицом вниз. Ее обновленные волосы рассыпались вокруг головы словно нимб, а кудри заигрывали с осокой на берегу. Клетчатое пальто исчезло, а под ним на ней оказалось белое платье. Миссис Давмьюр вечно покупала дочери подобные, а Бри притворялась, что ненавидит их,

хотя ничего другого и не носила. Платье оголяло верхнюю часть бедер, и сколь бы сильно я ее не ненавидела, мне захотелось зайти в воду и прикрыть тело.

– *Он тот, кого ты любишь?*

– Что? – Я обернулась на голос.

– Я сказала, отвернись, милая, – произнесла Келли Мартин, пытаясь оттащить меня назад. – Ради всего святого, дитя, не смотри туда.

Но я словно окаменела, и даже сильные руки Келли не смогли сдвинуть меня с места. Я продолжала смотреть на девушку в воде. На Бри.

Как только научились хорошо плавать, мы постоянно играли в игру «Поплавок мертвеца». Для победы требовалось только как можно дольше держать лицо под водой. Бри всегда выигрывала. Всегда. Ровно в тот момент, когда тебя охватывала паника, что в этот раз, возможно, что-то пошло не так, она переворачивалась и издавала победный клич.

Но сейчас Бри не переворачивалась. Люди рыдали, а она не вставала. От воды ее кожа казалась зеленой и пятнистой. Девушка в озере была похожа на наяду. Ей бы это понравилось. А я рассказала бы об этом своей подруге, если бы та перевернулась.

Я желала ей смерти. Но вовсе не хотела этого на самом деле. Это была минутная вспышка. Я хотела, чтобы она умерла совсем чуть-чуть.

Не так.

Она не перевернулась.

– Где Мик Давмьюр? – позвал кто-то отца Бри.

– Где юный Алистер Мюррей? – выкрикнул кто-то другой.

– Бри? – Али появился, шагая в нашу сторону неровной походкой, с бутылкой чего-то темного и неизвестного в руке. Его каштановые волосы были взъерошены, а щеки покраснелись. – Кто кричал? Что происходит?

Он разглядел Бри, плавающую в озере, и бутылка с глухим звуком врезалась во влажную землю. Али, нахмурившись, уставился на свою девушку, а затем прошел мимо меня к воде.

Мистер Мак-Киннон схватил его, и парень, попытавшись вырваться, ударил учителя по лицу. Но тот продолжал удерживать его, пока Али снова и снова выкрикивал имя Бри.

– Или это она разбила тебе сердце?

Я снова оглянулась, увидев лишь Ларса, который утешал Ману. Больше никого не было поблизости, а эти двое стояли слишком далеко, чтобы произнести те слова. Ларс печально мне улыбнулся, поглаживая Ману, лицо которого уткнулось в его волосы цвета бледной лаванды. Я замерла, разрываясь между желанием слиться с толпой ради собственного успокоения и желанием убежать далеко-далеко отсюда.

Голос сержанта полиции рассек ночь, словно гул туманного горна, пока он пробирался сквозь толпу, приказывая всем разойтись. Рядом со мной возникла Мерри, подхватив меня под руку. Сержант уже находился в воде, закрывая сво-

ей спиной обзор, и поправлял платье Бри. Мне показалось, что его плечи вздрогнули, но, когда полицейский повернулся, его лицо не выражало ничего, кроме профессиональной суровости.

– Ступайте домой. Живо, – распорядился он. – Здесь вам делать нечего.

Сержант бросил на меня взгляд, пронизанный сочувствием, прежде чем отвернулся и поприветствовал своего единственного напарника на Острове.

– Стоит ли мне составить список тех, кто присутствовал на празднике? – спросил Деклан Мортайд. Парень был всего на три года старше меня, но уже успел получить полицейский значок.

– Я знаю, кто здесь был.

Что было правдой. Мы отмечали Тесмофории. На Острове. Тут находились все.

– Мередит, отведи Кори домой, – попросила Келли Мартин. Мерри кивнула и взяла меня под руку.

– Идем домой, детка. Давай.

Я позволила ей увести меня, оставляя свою мертвую бывшую подругу в озере.

Остатки

Я валяюсь на кровати и развлекаюсь с Венериной мухоловкой, когда в дверь моей комнаты стучится Мерри. Я думаю притвориться спящей, но мне нравится Мерри. И она не глупа.

– Кори? – зовет через дверь. – Мы можем поговорить или ты притворяешься спящей?

Я чуть не улыбнулась.

– Давай поговорим.

Мерри, приоткрыв дверь, заглядывает в нее.

– Привет. Как ты?

Я пожимаю плечами.

– Неплохо.

Она осматривает погруженную во мрак комнату, и я морщусь, прослеживая за ее взглядом. На прикроватной тумбочке скопилась целая коллекция чашек, наполненных остывшим и недопитым кофе. У нас закончилась бутилированная вода, а вкус островной воды я ненавижу так сильно, что не могу сделать и двух глотков, как бы отчаянно ни нуждалась в бодрящем напитке. Шторы были раздвинуты ровно настолько, чтобы моим комнатным растениям хватало света, постельное белье скомкалось вокруг меня, а грязные джинсы валяются на полу с субботы, где я их бросила, как только вернулась с Тесмофории. Я знаю, что в комнате витает ка-

кой-то запашок, потому что почувствовала его, вернувшись вчера из сада. Не то чтобы *неприятный* запах – просто так начинаю пахнуть я, когда перестаю пользоваться яблочным шампунем и лимонным гелем для тела. Чем-то кисло-сладким. Естественным. Животным.

Другая мачеха, вероятно, восприняла бы это как знак того, что я вовсе не в порядке, и велела бы мне посетить душ или хотя бы открыть окно. Но Мерри не такая.

– Твой папа готовит тако к чаю, – сообщает она. – И специально для тебя сделал сейтан⁶. Говорит, если хочешь к столу что-то из сада, придется принести самой.

Я качаю головой.

– Там осталась только капуста и немного пастернака.

– Не беспокойся. – Она медленно подбирает слова, и я мысленно готовлюсь к тому, что последует дальше. – Он только что отправился к Давмьюрам.

Мое сердце на секунду замирает.

– Ясно. – Я слегка прикасаюсь к одному из листьев и наблюдаю, как он начинает плавно закрываться. Али подарил мне растение на нашу шестимесячную годовщину, и я не смогла от нее избавиться. Я поднимаю взгляд и вижу, что Мерри наблюдает за мной.

Она вздыхает и садится рядом со мной, отчего матрас продавливается под ее весом, и я наваливаюсь на нее. Возвращаю цветок на прикроватную тумбочку, чтобы не раздавить

⁶ Сейтан – вегетарианское «мясо» из пшеничного белка (глютена).

его. Мерри обнимает меня, и я прижимаюсь к ней, вдыхая ароматы розовой воды, черного касторового масла, которое она втирает в кожу головы, и миндального крема, увлажняющего ее волосы. Сейчас они уложены в аккуратные завитки и перевязаны белым шелковым платком – мачеха обновила прическу перед Тесмофориями.

– Сегодня в храме состоится протесис. В честь Бри, – говорит она. – Экфора завтра.

– Завтра? – Я поворачиваюсь к Мерри, борясь с приступом головокружения. – Но ведь завтра четверг. Она только... все только... – Слова застревают в горле.

– Давмьюры не хотят ждать, чтобы... – Она делает паузу, и я понимаю, что Мерри обдумывает, как продолжить мысль: – Упокоить Бри, – заканчивает она. – Ты знаешь, какие они. Хотят сделать все правильно.

Я сглатываю. Я действительно хорошо знаю родителей Бри.

– Ты права. Но разве еще не слишком рано? Разве не ведется расследование?

Мерри хмурится.

– С какой стати?

– Но ведь никто не знает, что случилось. Как она оказалась в воде, например.

Тишина в ответ кажется мне подозрительной.

– Или знают? – спрашиваю я. – Мерри? – Это прозвучало грубее, чем я хотела. – Прости, – срывается извинение с губ.

Она сжимает мою руку.

– Мы просто не были уверены, захочешь ли ты знать.

– Хочу.

– Ну что ж... – Мерри выпускает мою ладонь, и мы оказываемся лицом к лицу. Я снова тянусь к мухоловке и беру ее в руки, поддразнивая листья и позволяя тем, что еще открыты, смыкаться вокруг моих пальцев, удерживать их. – Алистер сказал, что последний раз видел свою девушку, когда та собиралась в туалет, а он направился за напитками. Келли Мартин подтвердила, что Бри стояла за ней в очереди, и они немного поболтали. Но Бри не смогла больше терпеть и ушла. Келли была последней, кто ее видел.

Я моргнула.

– И это все? – спрашиваю я. – Она просто бросила очередь и упала в озеро?

Мерри кивает.

– Скорее всего. Деклан, офицер Мортайд, считает, что она пыталась укрыться в камышах, чтобы уединиться, и поскользнулась. Ее пальто нашли аккуратно сложенным неподалеку.

Я помню, как оно развевалось подобно перьям яркой птицы, когда Бри кружилась.

– Нет, – говорю я. Этого не может быть. – Я трясую головой и повторяю: – Нет. Бри отлично плавает. А озеро даже не было глубоким в том месте, где нашли ее.

В голосе Мерри звучит мягкость, когда она отвечает:

– Алистер говорит, что она пила водку, они оба ее пили. И было довольно-таки темно, а вода холодная. Парализующая. Хватило нескольких секунд.

– В этом нет никакого смысла. – Мой голос срывается, и я закрываю рот, чтобы не высказать больше. Губы потрескались, и я потираю их друг о друга, чувствуя, как слезает кожа.

Глаза Мерри блестят, и она вытирает их рукавом:

– Я знаю, детка. Знаю. Это ужасно. Что бы между вами ни случилось... это ужасно.

Она снова прижимает меня к себе, а затем встает и прочищает горло.

– В общем, я просто зашла сообщить тебе о ближайших планах на случай, если захочешь пойти. Никакого давления с нашей стороны. Решать тебе. – Мерри осматривает комнату. – Не против, если я захвачу с собой пару кружек? О, и кстати, папа купил несколько бутылок воды. Принести тебе свежий кофе?

– Нет, спасибо. – Мне удастся совладать с собой. – Прости, мне стоило снести их вниз самой.

– Не переживай. – Мерри грустно улыбается мне и собирает чашки, аккуратно подцепляя ручки, чтобы ничего не пролить. Как только она уходит, я выбираюсь из-под одеял и, закрыв дверь, прислоняюсь к ней спиной. В желудке словно поселилась стая угрей.

Она не могла умереть вот так. Только не Бри.

Если бы очередь показалась ей слишком длинной, подруга

вполне могла покинуть ее и найти более подходящее место, потому что такой уж она была человек: всегда делала, что хотела, когда хотела и ненавидела что-либо ждать. Но она не могла умереть из-за этого.

«Вот только она умерла», – думаю я. Утонула буквально в двухстах метрах от того места, где мы смеялись и танцевали.

В начале лета – до того как все пошло наперекосяк – я, Бри и Али отправились на южную часть Острова, к мысу Фетиды. Там находился небольшой утес, с которого ребята постарше прыгали в воду, но мы никогда на такое не решались. Мы обычно спускались с утеса по протоптанной дорожке в маленькую бухту с черным песком и уже оттуда заходили в воду. Но тем летом вдруг оказалось, что мы и есть ребята постарше, и Бри захотела прыгнуть. Что она и сделала – не раздумывая бросилась с вершины, стоило нам только подняться. Подруге так не терпелось испытать себя, что платье она сорвала со своего тела на ходу, заставив меня его поднимать.

Я до последнего не верила, что Бри решится на прыжок. На секунду она застыла в воздухе и, раскинув руки в стороны, словно крылья, исчезла из виду. Я ухватила за руку Али, когда мы подошли к краю обрыва и увидели внизу девушку в сверкающей морской воде. Далеко-далеко внизу. Мои внутренности сжались, и я отпрянула назад.

– Давайте! – крикнула она нам. – Это потрясающе!

Я не боюсь высоты, но боюсь падений. Острых выступов и отсутствия твердой земли под ногами. Я знала, что ни за

что не решусь на нечто подобное.

— Полагаю, нам стоит начать спускаться, — сказал Али, когда я отступила от края.

В его голосе я услышала, как сильно он хочет прыгнуть, и мне хотелось дать ему желаемое — ведь мы любили друг друга.

— Я не против спуститься и одна, — сказала я.

И я действительно так считала. Я волновалась, что Бри будет находиться одна в открытой воде все то время, которое займет наш спуск. На тропинке мне ничто не угрожало, а если у нее начнутся судороги или случится что-то еще... Казалось слишком опрометчивым полагаться на волю богинь судьбы, оставляя молодую женщину в море. Мы знаем, что люди с материка зовут нас сумасшедшими и считают суеверными чудиками, но им не приходилось здесь жить. В бетонных городах с метро и небоскребами легко забыть, каково это — проживать там, где в лесах обитают существа, наблюдающие, поджидающие своего часа. Случаются зимой дни, когда ветер меняет направление, и до нас доносится пение из глубин морей. Своими собственными глазами мне доводилось видеть людей, которых доставали из ледяной глади, утверждавших, что слышали зов. И некоторые до сих пор погибают в воде с именем Посейдона на устах.

Не помешает присматривать за богами. Просто на всякий случай.

— Прыгай, — настаивала я. — Мы не можем оставить Бри

одну в море. Давай же. Я встречу вас внизу.

Али даже не пытался протестовать.

– Хорошо. – Он разделся в считанные секунды. – Увидимся внизу, – буркнул мой парень и быстро чмокнул в губы, оставив на них привкус шоколада, что мы ели по пути сюда. И прыгнул.

Я дождалась, пока он не вынырнул с восторженным криком, а затем подобрала их с Бри брошенную одежду и обувь и начала спускаться так быстро, как могла, оказавшись внизу минут на пять быстрее обычного. Сняла свои шорты и футболку, оставив все вещи в куче, и направилась к ним.

Они барахтались в воде рядом друг с другом, когда я подплыла. Бри повернулась ко мне, и ее глаза сияли.

– Твою мать, Кор, тут был тюлень! – прокричал мне Али.

– Где? – Я обернулась, пытаюсь найти его.

– Прямо здесь! Появился сразу, как Али прыгнул, – добавила Бри, возбужденно подпрыгивая. – Он был такой красивый.

– Он был нереальный, – согласился Али. – И начал плавать с нами. Типа, просто плавал вокруг нас.

– Вы уверены, что это был тюлень? – поинтересовалась я, продолжая вращаться в воде и высматривая темные очертания существа.

– Да, – ответила Бри дрожащим голосом. – Кто еще это мог быть?

Я не ответила и повернулась к ней.

– Ты испугалась?

– Нет. – Губы Бри дрогнули, словно сама мысль об этом показалась ей нелепой. – Он был очень милый. Словно морской песик.

– Ага, – подтвердил Али. – Словно хотел с нами подружиться.

– Ух ты, – выдохнула я, и мой голос сорвался от зависти, но они или не заметили, или не обратили внимания, устроив гонки друг за другом. Я легла на спину, дрейфуя на воде и устремив взгляд в небо.

Тюлень больше не появился. И я подумала, не выдумали ли они это, чтобы подразнить меня – слишком уж убедительно это прозвучало, чтобы быть правдой. Слишком удобно, что это случилось именно тогда, когда меня не оказалось рядом. Но они продолжали настаивать и твердили об этом до конца дня. И не только весь этот день, но даже недели спустя: «Помните, как мы плавали с тюленем?»

Возможно, в тот день все и началось. Когда они вместе увидели тюленя.

Осознавала ли Бри, что происходит в озере? Боролась ли она или сдалась сразу? Говорят, что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами.

Крошечная часть меня задавалась вопросом, вспоминала ли бывшая подруга свою Кори.

Потому что я вспоминала ее. Почти всегда думала о ней.

Подсевная культура

Не то чтобы я реально думала, что убила ее. Желать людям смерти можно с тем же успехом, как пожелать, чтобы кто-то в тебя влюбился, или пожелать миллион фунтов. Я знаю, это просто жуткое совпадение, что она умерла, стоило мне только об этом подумать. Но, вспоминая об этом, я не могу не отделаться от чувства вины.

И это хорошо, говорю я себе, ведь ничего не ощущать в подобной ситуации могут только монстры, а я не монстр. Я – жертва.

«Жертва ли ты, если враг твой погиб?» – шепчет мне голос на задворках разума. – *Разве ты не победительница?»*

В Тартар все. Мне нужен мой сад.

Я направляюсь на кухню. Мерри вышагивает по гостиной, судя по интонации, разговаривает со своим научным руководителем. Когда я прохожу мимо нее, напряженно машет мне рукой. Хватаю из кучи чистого белья свитер и натягиваю поверх пижамы, засовываю ноги в ботинки, ожидающие меня у задней двери, и выхожу на улицу.

Холодный воздух щиплет кожу через свитер. После нескольких дней, проведенных в замкнутом пространстве своей спальни, мне требуется время, прежде чем вдохнуть свежий воздух и смешавшиеся в нем ароматы: древесного дыма от каминов по всему Острову, морской соли и водо-

рослей, гниющих вдоль побережья. Запах плодородной мягкой почвы в моем саду.

Почти все, что я выращивала, созрело в этом году сравнительно рано, так что грядки уже накрыты, кроме той, где по-прежнему растет несколько пастернаков, которые, я надеюсь, станут посолиднее, и три краснокочанные капусты для Мерри. Мне хотелось, чтобы они успели созреть к празднику Халоа⁷ в следующем месяце – мачеха готовит невероятную штуку, для которой она приправляет овощи специями и карамелизует их. И это мое любимое блюдо. Но, когда я осматриваю кочаны, они выглядят маленькими и хрупкими, борющимися с природными условиями.

«Как и я», – шепчу вслух, чувствуя себя при этом идиоткой.

Я слегка похлопываю по ним и оставляю.

Потом я копаю. Это грязное, утомительное и тягостное занятие. Каждый раз, вскапывая грядку, я жалею, что взялась за это дело, но нельзя просто взять и оставить после себя дыру в земле. Приходится либо закапывать ее обратно, либо продолжать копать. Обычно я всегда предпочитаю второе. Кроме того, полезно втыкать мотыгу в грязь, особенно когда злость переполняет тебя.

Если верить отцу, моя мать тоже была садовницей. Может, она и сейчас ею является: последний раз мы разговаривали

⁷ Халоа – аттический праздник в честь богов Деметры, Диониса и Посейдона. Проводился в городе Элевсинии.

на мой шестнадцатый день рождения в течение целых четырех минут. Она позвонила пожелать мне счастья и спросить, планирую ли я оставаться на Острове. Я посчитала это завуалированным приглашением, но она перепугалась, когда я озвучила свое предположение.

Вероятно, тот, с кем теперь живет моя мать, не в курсе, что у нее есть ребенок. Насколько я знаю, у меня имеются и братья с сестрами.

Когда моя мать впервые приехала сюда, она организовала бизнес по выращиванию и продаже органических фруктов и овощей, что было довольно амбициозно, учитывая, сколь мало на острове проживало людей, и почти каждый из них имел собственный огород. Но ее огород отличался. Отец рассказывал, что теплицы матери ломились от ананасов и персиков, инжира и оливок – всего того, что обычно здесь не растет. Так они и познакомились: он спускался на велосипеде к маяку, а она остановила его по пути и предложила лукошко июньской клубники. Спустя девять месяцев родилась я.

А еще через три года мать ушла от нас и больше не возвращалась.

За время работы я согрелась, а потому сбрасываю с себя свитер. Воздух приятно холодит разгоряченную кожу, и я ненадолго останавливаюсь, позволяя ему проникнуть в меня. Затем опускаю взгляд на получившееся углубление и понимаю, что его форма напоминает могильную яму.

Бри никогда не любила сад в это время года. Она говорила, что он навевает тоску, выглядит мертвым. Я пыталась ей объяснить, что даже оголенные растения вовсе не мертвы, а просто спят, но она не понимала. Предпочитала сад, когда тот был усыпан цветами.

Я опираюсь на мотыгу и прикрываю глаза.

– Я думал, ты оставишь местечко для моего гриля.

Отец, все еще одетый в комбинезон смотрителя маяка, идет ко мне размашистым шагом, сжимая в руках две дымящиеся кружки. Он очень высокий и поэтому постоянно сутулится, как будто извиняется за то, что тебе приходится запрокидывать голову. Видимо, свой рост, а точнее, его отсутствие, я тоже унаследовала от матери.

– Я хотела. Но вряд ли ты собираешься строить его зимой. Это вопиющая растрата земли, мистер Аллауэй.

Он не смеется.

– Во имя Зевса, Кори, ты что, в пижаме? – Отец кивает на мою футболку и шорты. – Девять градусов на улице. Хочешь подхватить пневмонию?

Я подбираю свитер, натягиваю его на голову и сбиваю свой пучок. Так и оставляю его набекрень, чему способствуют сальные волосы, не мытые пять дней кряду, и беру протянутую кружку, вдыхая аромат.

– Сделал из бутилированной воды, – вздохнув, отмечает папа.

Когда мне было восемь, я отказалась пить островную воду

– даже зубы почистить не могла, – потому что она отдавала железом, словно я держала во рту монетку. Отец отвел меня к доктору, и та диагностировала у меня некий «Синдром кедрового рта», хотя я в жизни не ела кедровых орехов. Она сказала, что это пройдет через пару недель, но время шло, а привкус железа никуда не уходил. Спустя несколько недель папа заменил все трубы в доме на пластиковые, но и это не помогло. Вода на Острове проистекает из подземного источника, за который, напомнил мне тогда отец, богачи готовы платить кругленькие суммы. Ну и на здоровье. Как бы то ни было, я ее ненавижу.

– Поговори со мной, Кор. – Он присаживается на край грядки с капустой, изящно балансируя на ней. Я опускаюсь рядом с ним и погружаю свободную руку в землю, растирая почву меж пальцев. Мягкую и теплую. Вдавливая руку еще глубже, погружая под землю всю ладонью.

– О чем?

Он внимательно смотрит на меня.

– Я только что вернулся от Давмьюров.

– Мерри сказала мне.

– Мик спрашивал о тебе. Крошка Энгус тоже.

Я отпиваю из кружки и поднимаю взгляд на отца.

– Как они?

– Мик держится. Пытается быть сильным ради Эллы и мальчиков. Элла, конечно, раздавлена. Ты же знаешь, как она носилась с Бри. Думаю, им станет проще после церемо-

ний. Они смогут начать исцеляться. Давмьюры хотят, чтобы ты знала – тебе там рады в любое время.

Мне всегда нравился отец Бри.

– Малыш Мик, похоже, не осознает, что Бри больше нет, – продолжает папа, и в его серых глазах застыла печаль. – Мик сообщил, что после похорон они хотят отправить его и Крошку Энгуса ненадолго к одному из кузенов на материк. – Он замолкает. – Я думаю, тебе стоит пойти. Если не на протесис, то хотя бы завтра на экфору.

– Не знаю. – Пожимаю плечами. Какой этикет следует соблюдать во время посещения похорон бывшему лучшему другу? – В последнее время мы не ладили.

– Мне кажется, ты пожалеешь, если не пойдешь. И это будет много значить для Мика и Эллы. Ты была им как родная, до того как... – Папа умолкает, когда я бросаю на него свирепый взгляд. – Я не оправдываю поступок Бри. Или *его*. Они оба предали тебя, и у тебя есть полное право злиться и страдать. Но... она мертва. Это многое меняет.

Я вспыхиваю.

– Для меня это ничего не меняет. Она по-прежнему с...

– О мертвых либо хорошо, либо никак, – огрызается отец.

В эту секунду я снова желаю Бри смерти – возмущение кипит в моих венах, потому что теперь всегда, *всегда* будет вот так.

Я знаю, так ясно и четко – словно сама Кассандра предсказала, – что теперь никому нет дела до того, что сотвори-

ли со мной Бри и Али. У меня больше нет права ненавидеть ее. Или даже его. Она навсегда останется юной и прекрасной девушкой, которая погибла слишком рано, и это затмит все остальное. Каждая гадость, которую она делала или говорила, будет забыта. Это так несправедливо, но я даже пожаловаться вслух не могу, ведь я-то жива, верно?

Я прикусываю язык, чтобы не закричать. Я ненавижу ее. Всегда буду ненавидеть ее.

– Эй, – окликает отец, когда я опускаю свой возмущенный взгляд, боясь, что если посмотрю на него, то с губ сорвется что-то, о чем я буду потом жалеть. – Я знаю, что тебе было непросто. Ты же знаешь, я на твоей стороне.

«Так и будь на моей чертовой стороне, – думаю я. – Пойми, почему я не могу пойти и оплакивать свою бывшую подругу или смотреть, как Али срезает прядь волос с ее головы. Пойми, почему это ничего не меняет для меня, а делает только хуже».

Я сжимаю землю в кулак, сдерживаясь изо всех сил.

Он протягивает руку и поглаживает меня по плечу, а затем встает, хрустя коленями.

– Ладно, малышка, я, пожалуй, пойду. Что здесь будет?

Я не сразу понимаю, что он имеет в виду.

– Цветы, – бормочу я, после чего меняю свое решение. – Нет. Я еще не решила.

– Хорошо. Подумай насчет завтра, – говорит он по пути в дом.

Когда злость утихает, я вытаскиваю руку из земли и отряхиваю ее. Маленькие комочки грязи попадают на капусту. Я наклоняюсь, чтобы смахнуть ее, понимая, что кочаны больше, чем показались мне сначала. Если они продолжат в том же духе, то созреют к Халоа вовремя.

Я возвращаюсь к проделанной мной дыре в земле и размышляю, каково было бы в нее забраться.

Энтропия

Я ожидаю, что не смогу сомкнуть глаз этой ночью, поэтому краду одну таблетку снотворного из запасов, что Мерри привезла из своего последнего визита в Америку. И стараюсь вырубиться до того, как родители вернутся с протесиса.

Не получается.

Стены в нашем доме слишком тонкие, и я слышу каждое слово, которое они говорят друг другу в ванной, пока чистят зубы. Папа настаивает на том, что я должна пойти на похороны, потому что мне явно нужно попрощаться. А Мерри не соглашается, считает, что мне нужно только время.

– Ей нужно нечто большее, чем время, – отвечает отец.

Я сажусь, напряженно вслушиваясь в их разговор.

– Это что же?

– Не знаю. Возможно, какая-то грамотная помощь. Она так злится в последнее время. Видела бы ты ее сегодня. Гнев волнами исходил от нее. Я практически чувствовал его на своей коже.

– Ее парень изменил ей с лучшей подругой. Еще бы она не злилась, – заявляет Мерри.

Я чувствую прилив благодарности, который отец иссушает своим ответом:

– Это не похоже на Кори. Она всегда была миролюбивой. А теперь кричит на людей по телефону и хлопает дверьми.

– Она единожды крикнула в телефон. И, если честно, Кори целую вечность ждала эту сетку, а люди просто морочат ей голову. Если у них нет товара, надо вернуть деньги.

– Мне никогда раньше не приходилось слышать, чтобы она говорила с людьми в таком тоне. А на прошлой неделе сказала Келли Мартин отвалить, хотя та просто поинтересовалась, как у нее дела. Мне до сих пор стыдно.

– По правде говоря, Крейг, Келли Мартин и впрямь стоит отвалить. Любопытная Варвара.

Я тихонько смеюсь в темноте и пропускаю ответ отца.

– Кори подросток, – отвечает Мерри, и, несмотря на мою любовь к ней, я не могу не закатить глаза, когда она добавляет: – Эмоциональные качели – это часть взросления.

– Я только... – Папа умолкает, и у меня екает сердце. Мне приходится прижаться к стене, чтобы расслышать следующие слова. И он продолжает мягким и тихим голосом: – Я переживаю, что если она не справится с этим, то попадет в серьезные неприятности. Погрузится во тьму, из которой не сможет выбраться.

– Ты перегибаешь. Это все та же Кори, которая не перенесла внезапной трансплантации личности. Она по-прежнему предпочитает садоводство и не пускается во все тяжкие. Девочка скорбит, справляется с болью своими силами. И смерть Бри, увы, не поможет ее исцелению.

– Я знаю. Просто не хочу, чтобы ситуация обострилась до такой степени, что ей понадобится помощь, которую не так-

то просто получить на Острове. Ты читала о подростках и их ментальном здоровье...

– Я не думаю, что у Кори нервное расстройство. Но мы будем присматривать за ней. Договорились? Все будет хорошо. Она чудесный ребенок.

– Будем надеяться.

Они продолжают тихо препираться, прикрывая за собой дверь спальни.

Я ложусь обратно, сворачиваясь калачиком, а мой желудок затягивается в узел. Я тоже не думаю, что у меня нервное расстройство. У меня то, что случается, когда тебе вырывает и топчет сердце тот единственный человек, который обещал этого никогда-никогда не делать. Когда твой мир переворачивается с ног на голову.

Я перекатываюсь на спину, складываю руки на животе и закрываю глаза. Делаю глубокий вдох, словно на медитации, и пытаюсь представить лес. Что-то безмятежное и успокаивающее. Море или озеро...

Нет.

Потому что тогда я начну думать о Бри, лежащей сейчас, должно быть, в такой же позе в гробу на другом конце города.

Интересно, как она выглядит. Говорят, мертвецы выглядят мирно, как будто просто крепко спят, но когда мы ходили с Бри на похороны ее бабушки, то миссис Давмьюр не показалась мне ни мирной, ни тем более спящей. Она выглядела мертвой: все, что делало ее собой, исчезло. Она больше

не была бабушкой Бри – лишь пустой оболочкой.

На меня накатывает волна паники, когда я понимаю, что не могу вспомнить, как выглядела Бри при жизни: все мои мысленные образы бывшей подруги обезображены воспоминаниями об ее мертвом теле в озере.

Я поднимаюсь с кровати и открываю ящик с нижним бельем, разыскивая свой телефон. Я зашвырнула его туда в субботу вечером, когда Мерри привела меня домой, не желая ни с кем разговаривать и видеть кого-то в Сети. Аккумулятор разрядился, поэтому я возвращаюсь с телефоном к кровати и, подсоединив его к зарядке, включаю.

Куча уведомлений мелькает на экране: от Астрид, Ларса, из группового чата, куда добавила меня Астрид. Я игнорирую их и открываю галерею, пролистывая фотографии, пока не нахожу ее, нас, историю Кори-и-Бри в цвете: в моем саду, в моей комнате, на пляже, в школе. Все дальше и дальше в прошлое, пока не натыкаюсь на ту, что искала, сделанную год назад. На фото Бри стоит на коленях у ручья в лесу, на голове у нее кусок старой потрепанной тюли, а выражение лица притворно-торжественное – она вот-вот рассмеется.

Это была еще одна игра, в которую мы играли, когда нам было восемь или девять лет. Мы прозвали себя «Невестами Артемиды». Все началось с того, что нам задали выбрать одного бога для школьного проекта. Мы предпочли Артемиду, потому что у нее были лук и стрелы, она могла общаться с животными и не любила мальчишек – все, что нас тогда вос-

хищало.

Мы узнали, что вплоть до 1980-х девочек нашего возраста на год отправляли на служение в храмы богини-охотницы. Нас так захватила эта идея, что мы начали представлять себе грот, полный наших ровесниц, которые бегают по лесу, охотятся и воют на луну. Помню, как спросила у папы – еще до появления в нашей жизни Мерри, – могу ли отправиться на материк и служить Артемиде. Я знала, что на юге воздвигнуты храмы, посвященные ей, и наш учитель рассказывал, что некоторые девочки все еще ездят туда, хотя это уже не обязательно. Отец сказал «нет» и почти рассердился из-за этого, что было странно, потому что он никогда раньше мне не отказывал.

Мама Бри тоже ответила отказом, но ничего удивительного в этом не было, потому что она отказывала всегда.

Но это нас не остановило.

Я стащила несколько сетчатых занавесок, которые мы использовали как фату, а Бри пожертвовала два платья из бесконечного множества хлопчатобумажных платьев пастельных тонов, что миссис Давмьюр ей покупала, и мы тайно посвятили себя Артемиде.

Наши обряды были довольно нелепыми: мы собирали дождевую воду в банки из-под варенья и добавляли туда лепестки, чтобы изготовить богине «духи»; танцевали, пели, мастерили луки и стрелы из палок и украденной шерсти, пытались болтать с белками. В общем, типичные детские про-

делки. Мы прятали наши особенные вещички в пластиковой коробке, которую втиснули между корнями дерева. И никому не рассказывали о том, чем занимаемся – играть в лесу было запрещено.

Однажды Бри сообщила, что видела, как нам улыбнулась дриада, прежде чем скрыться в ветвях дуба, где мы хранили наши пожитки. После этого я неделю отказывалась возвращаться туда, опасаясь того, что древесная дева явится вновь и сделает то, что древесные девы обычно делают с маленькими девочками, играющими в лесу без надзора. Но, когда я поделилась с Бри причиной своих отказов, та ответила, что никогда не видела дриаду, а мне все приснилось. Конечно, она солгала, чтобы заставить меня вернуться, но это сработало.

В конце концов, мы прекратили игру – уж даже и не помню почему, просто однажды мы не отправились в лес наряжаться, и на том все закончилось. Кроме единичного случая в прошлом году.

Мы сидели в моей комнате. Предполагалось, что я должна была делать уборку. Бри красила ногти в красный цвет, а я перебирала вещи в шкафу, когда случайно наткнулась на альбом, посвященный Артемиде – наш школьный проект.

– Помнишь? – Я бросила ей альбом.

– Ногти! – воскликнула она. – О боги, – продолжила, пробежав глазами по альбому. – Помнишь «Невест Артемиды»?

Большого и не требовалось. Мы помчались в лес, чтобы

отыскать коробку, которая ожидала нас в корнях дерева, как и ее содержимое – тюль и луки. Они были слегка влажными и неприятно пахивали затхлостью, но это не остановило Бри. Ценой свежего маникюра она нацепила на голову свою старую фату. Я сфотографировала ее, а она – меня. Мы забрали коробку с собой и засунули все в мусорку возле почтового отделения. Игра окончена.

Я удалила все фотографии с Али – даже те, на которых вышла отлично, – но ни одной с Бри.

Я выскакиваю из постели раньше, чем осознаю, что именно делаю, и нащупываю на полу джинсы. Они затвердели, и на деревянный пол сыплется засохшая грязь, пока я натягиваю их поверх пижамных шорт. Сойдет и так – вряд ли ей суждено было увидеть меня.

Кроме того, Бри как-то сказала мне, что джинсы не надо стирать: достаточно просто провести по ним влажной губкой и заморозить. И хотя позже мы выяснили, что это полнейшая чушь, я все равно чувствовала себя виноватой, отправляя брюки в стирку, – если только они не были полностью изношены. У подружки и пары-то джинсов не было, так что я понятия не имела, откуда она это взяла.

В гробовом молчании покидаю свою комнату и осторожно спускаюсь по лестнице, избегая скрипучих ступеней, способных меня выдать. Хватаю первую попавшуюся в шкафу куртку, и, когда аромат розовой воды окутывает меня, я понимаю, что схватила вещь Мерри. Просовываю руки в рука-

ва, застегиваю молнию поверх пижамной футболки и обшариваю шкаф в поисках обуви. И ускользаю из дома в ночь.

Трижды чуть ли не разворачиваюсь, чтобы вернуться, но заставляю себя идти дальше, минуя серебристые в свете луны тихие улицы. Ночь выдалась на редкость холодной, и воздух словно пронизывает осколками стекла.

Двадцать минут спустя я оказываюсь у подножия храма и нащупываю запасной ключ, который, как мне известно, жрица прячет под выступом. Мы с Бри и Али не раз пользовались им, чтобы укрыться от дождя или скоротать время, избегая наших собственных домов. Здесь стоит такая тишина, что я слышу шепот моря и рокот волн, бьющихся о камни по ту сторону Линкейского холма, и ветер, что шумит в ветвях кипарисов на кладбище.

Я понятия не имею, что тут делаю и зачем вообще пришла. Может, потому, что отец прав и мне действительно нужно попрощаться. Но только чтобы при этом за мной не наблюдал весь Остров. Тогда я смогу спокойно вернуться к своей ненависти.

Звук открывающегося замка подобен выстрелу, и я вхожу внутрь.

Омываю руки в чаше у входа и оглядываюсь. Храм озаряют свечи, которые мерцают в причудливом ритме. Они окружают гроб – *тут стоит гроб*, – и я начинаю паниковать. Что, если свечи упадут от налетевшего ветра? Что, если искра попадет в лампы с маслом, окружающие гроб, и все вокруг

вспыхнет ярким пламенем?

– Эй? – зову я, и мой голос эхом отражается от колонн. Кто-то наверняка должен быть здесь и следить, чтобы не произошло случайного возгорания. Но никто не отвечает.

Надо задуть свечи. Нельзя оставлять их вот так. Не рядом с гробом – *это действительно ее гроб*, – если Бри суждено гореть, я хочу, чтобы это случилось в Загробном мире, а не здесь.

Ее гроб стоит на возвышении перед алтарем. Слева кто-то установил стенд с фотографией Бри, которая была сделала на последней школьной фотосессии, в окружении веток кипариса и цветков сельдерея. Сердце екает, когда я встречаюсь с ее глазами на портрете и медленнодвигаюсь к гробу – к гробу *Бри*. «*Бри действительно мертва, это действительно ее гроб, о боги, о проклятие*».

Подойдя ближе, я понимаю, почему свечи так странно мерцают, а вокруг нет никого, чтобы предотвратить возможный инферно – они электрические. Я одновременно чувствую и облегчение, и неловкость за свои глупые мысли. Но тут же забываю о свечах, потому что вижу ее.

Бри.

В ее волосах красуется еще больше цветков сельдерея, а на ней надето бледно-голубое платье с рукавами три четверти. Она напоминает деревенскую девчушку, с пышными рукавами и оборками – в духе Бри, сама невинность. Руки сложены на животе, а ногти покрыты светло-розовым цветом.

Бри любила красный или черный. Те три баночки лака для ногтей, которые она так жаждала получить от меня назад – они были разных оттенков красного, – которые она наносила только у меня дома и стирала всякий раз, когда приходила пора возвращаться к себе.

Бри лежит на лоскутном покрывале, эдаком сельском аксессуаре в стиле миссис Давмьюр. Я присматриваюсь к нему, и желудок сжимается, когда узнаю отдельные заплатки. Кусочек ткани с вышитыми желтыми цветами, прямо как платье Бри на десятом дне рождения Астрид: я помню, как она жаловалась, что пришла в платье, когда все кругом были одеты в джинсы. Серый квадрат, подозрительно напоминавший цвет нашей школьной формы. Мягкий потертый розовый лоскуток ткани с одеяла, в которое, я уверена, ее укутывали в детстве. Я пытаюсь вспомнить, как это называется – памятный квилт. Их шьют, пока ребенок растет, из его старых вещей, а затем дарят в день свадьбы или на рождение первенца. Ничего из этого не случится у Бри.

Горло саднит, и я сглатываю.

Посмертный макияж весьма неплох, но лицо смотрится неестественно. Вероятно, они использовали праймер, или тональный крем, или пудру, или что-то другое, что еще больше выделило прыщики на ее подбородке. Они каждый раз выскакивают у Бри накануне месячных, и осознание того, что она умерла в это время, потрясает меня. Потому что это означает, что наши циклы по-прежнему синхронизированы,

но даже мысль об этом теперь кажется ненормальной.

На губах девушки лежит монетка для Лодочника.

До этого момента мне было сложно поверить в происходящее, казалось, будто это всего лишь дурацкий розыгрыш. Решающий этап в игре «Поплавок мертвеца» – последняя шутка, способ отвлечь всех от того, что она сделала со мной. Будто я не до конца верила, что Бри мертва, и ждала какого-то продолжения этой вымышленной истории. Но монетка – это доказательство. Монетка и квилт. Ее действительно больше нет.

О, Бри.

И поскольку никто и никогда не узнает, я делаю небольшой перерыв в своей ненависти к бывшей лучшей подруге во имя прежних времен и протягиваю руку, положив свою ладонь поверх ее.

Она холодная и словно восковая, и я отшатываюсь от нее, но, собравшись, пробую снова. Ради тех двух девчонок, называвших себя «Невестами Артемиды», чьи месячные шли в одно и то же время. Прежде чем она стала самым худшим человеком в мире, любить ее было так же естественно, как дышать.

Я долго стою там, а когда ноги перестают удерживать меня, сажусь на пол, опираясь спиной на подставку, на которой установлен гроб. Я отправлюсь домой через минуту. Еще одну минуту.

Толерантность

Я распахиваю глаза, когда кто-то трогает меня за плечо.

Жрица Логан, все еще одетая в повседневную одежду, опускается рядом со мной, и удивление ясно читается на ее лице при виде меня.

И я понимаю, что его освещает не свет сотни электрических свечей, а слабые лучи зимнего солнца.

Наступил рассвет.

– Кори? Что ты тут делаешь? Кто впустил тебя?

Я вскакиваю на ноги и бегу.

Добегаю до вершины холма позади храма и в изнеможении падаю на землю, пока ноги дрожат от столь стремительного восхождения. Обхватываю руками колени и устремляю взгляд на море.

Звуки колоколов достигают склона, и я принимаюсь считать. Шесть. Папа и Мерри скоро проснутся. Мне нужно успеть вернуться домой раньше этого.

Я медленно поднимаюсь на ноги и высматриваю свой дом, проверяя, не горит ли еще свет в окнах. Вот он – примостился на окраине Дейли, недалеко от полей, где проводятся Тесмофории. Взгляд скользит к озеру, и я резко отворачиваюсь.

Давненько я не поднималась сюда, на холм. Раньше мы приходили сюда по праздникам и на каникулах, подначивая

друг друга посмотреть на запад через левое плечо. Согласно легенде, если проделать этот маневр, можно увидеть один из входов в Загробный мир. Очередной запрет наших родителей – не просто не пытаться, даже думать об этом нельзя. Что, конечно же, означало, что мы просто обязаны попробовать. Бри всегда решалась на это первой. Но сейчас ее здесь нет, поэтому решаюсь я. И смотрю.

На запад через левое плечо. Я не ожидаю там что-то увидеть.

Но вижу.

Каждый волосок на моем теле встает дыбом, когда я разглядываю маленький остров там, где секунду назад была гладь океана.

Я не шевелюсь, как будто малейшее движение способно спугнуть видение, но остров, появившийся буквально из ниоткуда, не исчезает и не погружается обратно под воду. Он остается, материальный и реальный, словно всегда стоял там, словно он и должен там быть. Я медленно поворачиваюсь к нему лицом, боясь даже моргнуть.

Он настоящий. Действительно настоящий.

Этого не может быть.

Я закрываю глаза, считаю до трех и снова открываю их, ожидая, что мираж исчезнет, – надеясь, что он исчезнет.

Но остров на месте. Более того, теперь я вижу его четче, будто смотрю на него через бинокль.

Я наблюдаю, как лопаются молочно-белые пузырьки в

морской пене, когда волны разбиваются о берег, как танцуют заросли водорослей, когда соленая вода оmyвает их. Галечный пляж ведет к густому лесу. Я даже могу разглядеть отдельно стоящие деревья – все хвойные – настолько детально, словно стою в нескольких футах от них, а не за несколько миль.

Я пытаюсь нащупать в кармане телефон – я должна запечатлеть или записать это на видео, мне нужно получить доказательство – но потом вспоминаю, что тот остался в комнате на зарядке. Тихо ругаясь на себя, я глазею на остров, стараясь отложить в памяти каждую деталь. Больше всего на свете мне хочется сбежать вниз с холма и поведать Бри о том, что я наконец-то его увидела, а она не...

И тут появляется она.

Выходит из леса в том же наряде, что и на Тесмофории: в клетчатом пальто и сапогах на каблуках. С блестящими каштановыми кудрями ее новой стрижки. У меня пересыхает во рту, пока я смотрю, как Бри спускается к побережью и опускается на гальку, набирая пригоршни мелких камушков, а волны оmyвают ее колени.

Я не сразу понимаю, как она может лежать в храме и сидеть там, на острове. Разве возможно находиться в двух местах одновременно? Но тут до меня доходит – это Загробный мир. Я вижу не Бри, а ее душу. Я наблюдаю за тем, что будет дальше.

С колотящимся сердцем жду, что она оглянется, подни-

мет голову и увидит меня. Мне хочется закричать, привлечь ее внимание. Отчаянно хочется воззвать к ней, но я не могу пошевелиться. Не могу говорить. Я застыла подобно статуе на вершине холма, как Ниоба, заточенная в камень, оставленная один на один со своим горем.

В лесу позади Бри колышутся тени, и мое сердце замирает, когда из-за деревьев появляется фигура.

Мужчина задумчиво смотрит на девушку, скрестив руки на груди. Он одет в черное: в футболку или свитер с длинными рукавами и брюки – довольно смертное одеяние. Его темные волосы развеваются на морском ветру. Он не так уж и стар, как мне показалось вначале, всего на пару лет старше меня. Скорее юноша, нежели мужчина.

Когда парень подходит к Бри, передвигаясь по гальке подобно змее, тени стекают с него, словно масло, и покрывают камни.

И тогда я понимаю, кто он. Нереальное и ужасное создание.

Аид.

Перед моими глазами стоит настоящий бог. Худший из богов.

Я смотрю, как он приближается к Бри, как тени выются вокруг нее, и мне хочется предупредить, что Аид рядом, что ей нужно бежать. В этот самый миг забывается все плохое, что бывшая подруга сделала мне, – я спасла бы каждого от него, если бы это было в моих силах.

Затем Бри поднимается на ноги и поворачивается к Аиду. Когда они смотрят друг на друга, его лицо смягчается, наполняется скорбью. Что-то сжимается в моей груди. Почему она не убегает? Почему он так на нее смотрит?

Аид протягивает девушке руку, и она оборачивается и бросает прощальный, тоскливый взгляд на Остров, но так и не замечает меня. В тот момент, когда их руки наконец-то соприкасаются, мое оцепенение спадает, сердце бешено бьется о грудную клетку, и я кричу:

– Бри!

Мой голос пересекает океан, но не достигает ушей девушки.

Однако он слышит.

Он ведет Бри перед собой, даже когда оборачивается, чтобы найти источник крика.

Я прижимаюсь к земле, пытаюсь распластаться по ней: чуть подсказывает мне, что бог не должен заметить меня, не должен знать, что я видела его или что я стою здесь. Сердце выскакивает из груди, пока я лежу на влажной холодной траве и считаю секунды, выжидая, смогу ли выкрутиться из сложившейся ситуации, смогу ли обмануть смерть.

– Что ты делаешь?

На минуту мне и правда кажется, что это он. И только потом понимаю, что это просто Али.

Я сажусь, поворачиваясь к воде.

Загробный мир исчез.

Я оглядываюсь через плечо, кручу головой во все стороны, но его там больше нет. Он растворился.

– Кори? Ты в порядке? – Пока я поднимаюсь, Али осматривает меня с ног до головы, смотрит на джинсы, грязные ботинки.

– Как ты здесь оказался? – спрашиваю я, озадаченная его внезапным появлением.

– Я шел в храм, чтобы наполнить лекиф⁸ для миссис Давмьюр, но увидел, как ты... что-то тут делаешь.

Я продолжаю вертеть головой, но остров не возникает из воздуха, оставляя меня с неприятным ощущением того, что Загробный мир, Аид и мертвая бывшая подруга мне привиделись. Возможно, дело в недостатке сна или в той таблетке снотворного, что я приняла. А может, отец был прав и у меня действительно нервное расстройство.

– Ты идешь на экфору? – интересуется Али. – Без обид, но, пожалуй, тебе стоит переодеться. И вероятно, принять душ.

Я пропускаю его слова мимо ушей и резко поворачиваюсь, будто могу застать остров врасплох, словно мы просто играем в прятки. Когда это не срабатывает, я пробую снова, разворачиваясь в другую сторону. Резко дергаю головой, чтобы посмотреть через плечо. Ничего. Значит, точно привиде-

⁸ Лекиф – древнегреческий сосуд, использовавшийся в погребальных церемониях. Его наполняли оливковым маслом и помещали в захоронение вместе с покойником.

лось. Я смеюсь от того, что не понимаю, хорошо это или плохо. Что лучше – сойти с ума или увидеть царство мертвых?

– Кори? – Али хватает меня за руки и заставляет повернуться к нему лицом. – Что с тобой происходит?

Я вырываюсь из его хватки и отталкиваю парня.

– Не трогай меня.

На секунду он кажется потрясенным, словно я ударила его, а затем Али взрывается:

– О, ради Зевса. Серьезно? Бри там, внизу, в гробу, а ты продолжаешь на меня дуться.

– Дуться? – оторопело повторяю я.

– Из-за того что случилось, – говорит он так, будто я могла забыть об этом. – Мы типа расстались летом. Я думал, ты пережила это. Ты выглядела вполне смилившейся на Тесмофории, – нахмурившись, добавляет Али.

Триумф с привкусом горечи от того, что Астрид была права насчет его реакции на мой поцелуй с другим парнем, моментально перекрывается вспыхнувшим во мне гневом.

Кровь кипит, и я забываю о Бри, Загробном мире, обо всем на свете.

– Шутишь? Ты считаешь, я должна была забыть об этом только потому, что прошло какое-то время? Уже забыл, что сделал, Али? Что я сделала? – Он сглатывает, и я наклоняюсь ближе к нему, взволнованная от того, как бледнеет его кожа: – Ты пришел ко мне домой и сказал: «Давай прогуляемся». Но ни слова, ни единого слова не сказал о расставании, пока

мы спускались к бухте. Ты болтал о школе, о каком-то дурацком фильме, который ты посмотрел, а потом позволил мне...

Я запинаясь, когда перехожу к тому, что случилось дальше. Сбиваюсь с темпа, вспоминая о том, чему он позволил случиться прямо перед тем, как расстаться со мной. Когда я верила, что все хорошо, думала, что он по-прежнему хочет меня, увлечен мной. Голос дрожит, когда я продолжаю:

– Ты дождался, пока я закончу, а потом бросил меня. Помнишь, Али? Потому что я помню.

Он смотрит в землю.

– Я не просил тебя ничего делать.

– Но и не остановил меня. Позволил думать, что между нами все нормально. Ты сказал ей? Когда пришел к ней домой, ты рассказал ей об этом?

– Заткнись! – Али оглядывается, словно опасается, что нас могут услышать, и тогда я понимаю, что он не рассказал ей. Отхватил напоследок приятный бонус, прежде чем вышвырнуть меня из своей жизни. Мой гнев разгорается все ярче.

– Почему, Али? Почему она? – Слова сами вылетают из моего рта, и я не успеваю их остановить. – Из всех людей на Острове почему это должна была быть она?

Он не может смотреть мне в глаза.

– Не знаю. Она просто отличалась.

– Чем? – выдавливаю из себя. – Что в ней было такого, чего нет во мне?

– Не знаю, – повторяет он.

– Не знаешь? – рывкаю я, и Али вздрагивает, удивленно приподнимая брови.

Вспоминаю, как отец говорил в ванной, что раньше я была такой миролюбивой, и почти улыбаюсь, – потому что *миролюбивой Кори больше нет, народ*.

– Ну? – подначиваю я.

Похоже, шок у него прошел, потому что глаза Али сужаются, а его лицо покраснело от злости.

– С Бри было веселее. Она была легче на подъем. Тебе никогда не хотелось что-то делать или пробовать новое. Ты только и делала, что возилась в своем саду. Скукотень.

Его слова, словно заряд, попадают в цель, вышибая из меня дух, отчего мне хочется свернуться калачиком. Я отворачиваюсь, сложив руки на груди, и слушаю, как он уходит. Я не поворачиваюсь – не хочу видеть, как он удаляется от меня. Только не снова.

Я так и замираю, пока его слова звенят у меня в ушах. *«Тебе никогда не хотелось пробовать что-то новое. Ты только и делала, что возилась в своем саду»*. Я снова думаю о словах моего отца. Спокойная. Миролюбивая. Меланхоличная. Медлительная. Скучная.

Я опускаюсь на колени в траве и прижимаю ладони к земле, вдавливая пальцы в мягкую почву. Мне сразу же становится лучше. *«Садоводство – это не скучно»*, – говорит свирепый голос во мне.

Мою кожу снова покалывает.

Я поднимаюсь на ноги и выпрямляюсь. И, когда смотрю через левое плечо, не удивляюсь тому, что Загробный мир вернулся.

Как и Аид.

Даже на расстоянии я чувствую ярость в его взгляде, жар, который заставляет мою кожу пылать. Аиду ненавистна мысль, что я вижу его, что я видела Бри. Его ярость обрушивается на меня, прокатившись по волнам, и я бесконечно благодарна морю, что разделяет нас. Я молюсь, чтобы это маленькое препятствие не позволило ему добраться до меня.

Но потом я вспоминаю, что он – бог.

Я не особо веровала в богов. Не то чтобы не веровала в них – ведь я живу на Острове, и только глупец не верил бы. Но я верила в них не больше, чем в Антарктиду или Мариинскую впадину. Знаю, что они где-то там, но вряд ли мне суждено их увидеть. Они не имеют ко мне никакого отношения.

Во всяком случае, так я считала.

Мы смотрим друг на друга, играя в гляделки, где один из нас первым должен моргнуть или убежать. Мы оба знаем, что это буду – должна быть – я, но не могу сдвинуться с места. Я не моргаю. Не могу оторвать от него глаз.

В небе над головой полыхнула вспышка, и я вздрагиваю, на секунду решив, что он меня фотографирует. Но за ярким светом следует раскат грома, который обрушивается на

меня с такой силой, что затряслись все кости. Надвигается шторм. Я снова бросаю взгляд на Аида, который, нахмурившись, смотрит на небо.

Ветвистая молния пронзила небеса между нами, поражая океан неоновом-розовым потоком, свет разливается по поверхности воды, и мы вновь встречаемся взглядами. Его темные горящие глаза сверлят мои.

– Возвращайся домой, – говорит бог. Я слышу его так же четко, как если бы он стоял подле меня. Его голос, который я слышу впервые, кажется мне знакомым.

Когда начинает накрапывать дождик, я замечаю еще одну фигуру, укрытую плащом, сокрытую в тени деревьев, и замираю. Это Бри? Ожидает его?

– Кори, иди домой. Сейчас же. – В его словах не слышится злости. Он звучит обеспокоенно.

Снова сверкает молния, за которой следует раскат грома. Шторм все ближе.

Я разворачиваюсь и бегу.

Поскальзываясь и спотыкаясь, я спускаюсь с холма на Центральную улицу и бегу так, словно меня преследуют гончие, чтобы утащить в Загробный мир.

Загробный мир. Аид.

Я останавливаюсь. В боку колет, и, уперев руки в колени, я сгибаюсь пополам и пытаюсь отдышаться, пока дождь хлещет по спине, словно плети. Я не создана для подобных упражнений.

Низкий гул рикошетом проносится по небу, заставляя меня вздрогнуть. Я поднимаю голову, ловя свое затемненное отражение в окнах супермаркета: волосы прилипли к лицу, а с носа стекает дождевая вода.

Позади меня возвышается фигура — ледяная кожа, угольно-черные волосы, распростерты за ним тени подобно темным крыльям.

Он здесь.

Я оборачиваюсь, но улица пуста. Ни следа Аида. Ни следа теней. Ничего. Я двигаюсь вперед, вытянув руки и ощупывая воздух в том месте, где высилась фигура. На ощупь он теплый, вязкий. Наэлектризованный.

Я чувствую запах озона, более резкий, чем хлор.

Волосы на шее встают дыбом, а следом дрожь пробегает по всему телу, и я слишком поздно вспоминаю, что нахожусь на улице в эпицентре грозы.

Вспыхивает молния, а затем — пустота.

Культивирование

Когда пустота наконец превращается в нечто, я по-прежнему здесь.

Здесь – это на Центральной улице в Дейли. Стою там же, где стояла до вспышки молнии: у супермаркета. Но что-то не так. Не знаю только, что именно.

Дождь прекратился. Улицы пустынные; никаких признаков жизни, света в окнах. Возможно, дело в том, что еще довольно рано, но это не объясняет, почему по улице не шныряют кошки – одичавший рыжий кот Ларса почти всегда бродит где-то поблизости. Птиц тоже не видать. Деревня кажется заброшенной, как корабль-призрак, словно все побросали свои пожитки и сбежали, пока я находилась на холме.

Я медленно иду вперед, ожидая, что случится дальше, если случится вообще. И замираю как вкопанная, понимая, что именно не так, и мой рот приоткрывается от удивления.

Кажется, будто кто-то соорудил копию Центральной улицы, но воссоздал только фасады. Все здания сделаны из фанеры и пластика, а улица – сплошная подделка. Поликлиника, кофейня, почтовое отделение, букинистический магазин – все ненастоящее, словно декорации к фильму. Я сворачиваю в переулок между мясной лавкой и аптекой, чтобы рассмотреть конструкции, поддерживающие фасады. Здесь, с обратной стороны, не видно ни краски, ни попыток замас-

кировать муляж: ДСП и гвозди заметны невооруженным глазом.

Я поворачиваю обратно к Центральной улице и спотыкаюсь о подол... моего платья? Что?

Я осматриваю себя. Джинсы, сапоги и куртка Мерри исчезли. Вместо этого на мне надето длинное белое платье или накидка, заколотая на плечах, без рукавов. Обувь тоже нет, лишь мои голые ноги на асфальте. Впрочем, он не холодный, но и не теплый, как и воздух – неестественный. Уж точно не такой, каким должен быть в грозовой ноябрьский день. Более того, земля сухая. Никаких луж. Ни единого следа грозы...

Гроза.

Молния.

Я похолодела.

«О, гарпии, – шепчу я. – Я умерла».

– Ты не умерла.

Я резко кручусь, вновь спотыкаюсь о платье и лечу в фальшивую кофейню, которая пошатнулась от удара. На секунду мне кажется, что «стена» рухнет вместе со мной, но та держится, и мне удастся восстановить равновесие. Затем поворачиваюсь к парню, что стоит, прислонившись к фонарному столбу, на противоположном конце дороги.

– Грациозно, – говорит он, его губы едва уловимо тронула улыбка, напоминающая полумесяц. – Расслабься. Ты в порядке. Это сон.

Я осматриваю его на наличие теней. Мне стоило бы почувствовать облегчение, убедившись, что их нет, но радоваться рано — пусть это и не Аид, но он один из них, — его серебряная кожа, тускло поблескивающая в утреннем свете, не оставляет сомнений. Блин.

У этого мальчика-бога помимо опасной улыбки и серебряной кожи светло-каштановые волосы, ниспадающие до плеч небрежными кудряшками, и ореховые глаза, лукаво наблюдающие за мной из-под дугообразных бровей. Он высокий и стройный, словно растянутая ириска: длинные конечности, длинный тонкий нос, длинная шея. Я, должно быть, тяжелее его фунтов на двадцать, хотя он выше меня по меньшей мере на фут. Как и я, парень одет в белую накидку, которая доходит ему до коленей. А когда я смотрю на его ступни, вижу на них сандалии. С крыльями. Мое сердце замирает. *Черт, черт, черт.*

— Кто ты? — спрашиваю я, хотя уже знаю ответ. Сандалии выдают его с головой.

Гермес подтверждает мою догадку своим ответом:

— У меня послание для тебя.

Я изо всех сил стараюсь оставаться спокойной.

— От кого?

Его улыбка становится шире.

— Я думаю, ты знаешь.

Мои ладони потеют.

— Где я? — Сердце учащенно бьется о грудную клетку. —

Где мы? – Я рукой указываю на здания.

Гермес склоняет голову, не стирая с лица усмешки.

– Как я уже сказал, это сон. Твой разум отправил тебя в то место, которое запомнил последним, ну, в его сонную версию. На самом деле ты дома, чудно спишь в своей кровати. Смотри.

Не успел он договорить, как мы очутились в моей спальне, стоя плечом к плечу в дверном проеме.

От внезапной смены обстановки голова кружится, а увидев себя, свернувшейся в клубок на кровати с закрытыми глазами, мои ноги подкашиваются. Я прислоняюсь к косяку. Это странно.

– Это я? Прямо сейчас? – Я обращаю свой взгляд на Гермеса.

– Спишь сном младенца, – кивает он.

– Но как?.. Это бред какой-то, – бормочу я.

Он приподнимает бровь, посмотрев на меня.

– Нет, это сон. Внимательнее, Кори.

Я делаю глубокий вдох.

– В смысле, подобные штуки не случаются. Не со мной.

Это не я видела тюленя. Не мне махала дриада. Сны о боггах-посланниках – это фишка Бри.

Я подхожу к кровати и осматриваю себя сверху вниз, преодолевая дрожь от взгляда на собственное лицо. Промокшая от дождя одежда пропитала постельное белье подо мной, а волосы прилипли к лицу. Я жду, чтобы увидеть, как взды-

мается моя грудь, и чувствую облегчение, когда после делаю вдох. Я выгляжу неплохо, вот только подошва у моих сапог отсутствует, и я замечаю свои носки, обрамленные потрепанной резиной. Которая кажется расплавленной...

— Меня ударила молния. — Я вспоминаю, каким наэлектризованным казался воздух и как мурашки поползли по телу, когда в отражении я увидела Аида. Внезапный резкий запах озона. Вспышка. Также вспоминаю взгляд, который Аид бросил на небо, и до меня кое-что доходит. — Это было нарочно?

Гермес прекрасно понимает, что я имею в виду.

— Слегка. — Он снова усмехается. — Но никто не планировал тебя убивать.

— Это должно успокоить меня?

Когда он не отвечает, я поворачиваюсь и вижу, что парень с довольным выражением на лице пялится в мой открытый ящик с нижним бельем.

Абсурдность того, что бог разглядывает мои лифчики, выбивает меня из колеи. И даже после всего случившегося меня так и подмывает рассказать обо всем Бри, потому что ей бы это пришлось по нраву. И только воспоминание о том, что я видела ее в Загробном мире, возвращает меня к реальности.

Я пересекаю комнату и задвигаю ящик бедром, скрестив руки на груди.

— Не возражаешь?

На его щеках появляются глубокие ямочки, пока он лени-

во пожимает плечом.

– Приношу свои извинения. Не могу устоять перед земными штучками. Они столь очаровательны.

– Хм-м-м, – тяну я. – Так что там за послание?

– Ах да. – Его глаза сверкают. – Я здесь потому, что ты увидела нечто, чего не должна была. Отблеск грядущего. Если говорить вашим современным языком, схватила спойлер, – объясняет он, наклонившись ко мне, словно раскрывает какой-то секрет. Мне приходится задрать голову, чтобы посмотреть на него.

– Ясно. Но как я вообще увидела нечто, чего не должна была?

– На этот вопрос у меня нет ответа. Только послание.

– И что дальше?

Улыбка впервые соскальзывает с его лица. Он почти с горечью говорит:

– Я знаю не больше, чем ты. Как уже было упомянуто, я всего лишь посланник.

Вот что я знаю о богах. Они капризны. Никогда не забирают назад свои дары и не могут снять собственные проклятия. Яростно защищают то, что для них свято, и их легко оскорбить.

Они любят судьбу.

Им нравится вмешиваться в жизни смертных.

Поэтому я знаю, что где-то кроется подвох, потому что от них неизменно можно ожидать подвох. Послания и пре-

дупреждения не в их стиле. Они лучше превратят тебя в дерево или в животное. Проклянут на веки вечные глаголить истину и не быть услышанной или говорить рифмами, пока не разозлишь кого-то до смерти. Боги не отличаются изысканностью. Или милосердием.

Так что мое лицо выражает скепсис.

– Я клянусь. – Парень поднимает свои серебряные руки. – Клянусь своей честью в лице бога. Своим именем Гермеса, сына Аполлона. Я здесь только для того, чтобы передать послание, и ничего больше.

– Значит, после твоего послания я проснусь цела и невредима, вернусь к своей обыденной жизни, и все будет в точности, как раньше? – уточняю.

– Ты проживешь свою жизнь так, как уготовано богинями судьбы.

– Это не ответ.

– Это единственный ответ, который я могу дать. – Еще одна широкая усмешка. У него слишком много зубов.

Я тщательно все обдумываю. Аиду ничего не стоило навредить мне, если бы он того захотел. Вместо Гермеса он мог бы послать Танатоса, который затащил бы меня в Загробный мир, где я навсегда оказалась бы во власти Аида. А у Зевса – если та молния действительно прилетела от него – не дрогнула бы и рука меня уничтожить, будь на то его воля. Так что, возможно, *возможно*, Гермес говорит правду и каким-то образом я отделаюсь лишь предупреждением. Толь-

ко глупец будет с этим спорить. Только глупец будет спорить с ними.

– Хорошо, – говорю я так, словно у меня есть выбор. – Что за послание?

Выражение лица Гермеса тут же меняется, ямочки исчезают, а лицо становится суровым и отрешенным, как у статуи. Его ореховые глаза меркнут, а затем вспыхивают алым оттенком. Я хочу отвернуться, но не могу. Вся его игривость исчезла, сгорела в огне бессмертного бога, и я леденею от ужаса.

– Я здесь, чтобы предупредить тебя от имени Повелителя душ, Властителя Загробного мира. Твоя подруга больше не твоя забота. Отныне и навсегда ты ничего не видела. Ничего не знаешь. Никому не расскажешь и вычеркнешь увиденное из своей памяти.

Это должно выглядеть нелепо: плохой актер, читающий худший из всех возможных сценариев. Парень с кожей, сверкающей как металл, и в белом одеянии произносит предвещающие гибель слова в моей грязной, вонючей земной комнате. Это, должно быть, шутка. Этого не может происходить взаправду.

Если раньше мне хоть на секунду показалось, что Гермес похож на человека, то теперь я осознаю свою ошибку. Он не был, никогда не был и никогда не сможет быть похож. Стоит ему захотеть, и он прибьет меня как муху, разотрет в пыль одним пальцем. И глазом моргнуть не успею. Я для него ми-

молетное, хрупкое, глупое маленькое создание.

Его голос – железный кулак, сжимающий мое сердце все сильнее с каждым словом.

– Ну как? – спрашивает Гермес, повелительный тон исчез из его голоса. Бог снова звучит как простой мальчишка.

Я не могу пошевелиться. Не могу говорить.

Он виновато улыбается.

– Я перестарался? Давно не практиковал предупреждения.

Мне удастся покачать головой.

– Ладно. Почему бы нам не пойти и не взять для тебя воды? – Гермес осторожно берет меня за руку и выводит из комнаты. Я настолько оцепенела, что даже не сопротивляюсь.

Мы друг за другом спускаемся по лестнице: я шагаю впереди, ощущая за спиной присутствие бога, от которого волнами исходит жар, а воздух благоухает апельсинами и гвоздикой. Интересно, что случится, если папа или Мерри выйдут сейчас из спальни и увидят нас, подумают ли они, что я тайком вывожу из своей комнаты парня. Потом вспоминаю, что это вовсе не парень, а мы во сне.

«В кошмаре, – поправляю себя. – Это кошмар».

– Как ты себя чувствуешь? – интересуется Гермес, приклонившись к серванту, пока я ищу чистый стакан.

– Хорошо, – я снова способна говорить.

– Рад слышать. Прости, если я немного перегнул палку.

– Вовсе нет, – отвечаю, еще не до конца придя в себя. – Наверное, я должна быть польщена, раз удостоилась всего этого шока и трепета.

Он смеется, и я открываю холодильник.

– Думаю, вода подойдет лучше, – советует Гермес.

Я достаю с дверцы бутылку и показываю ему.

– Это и есть вода.

– Проточная вода. – Он кивает на раковину.

– Я такую не пью. Вкус отвратительный.

Глаза бога сужаются.

Где-то на задворках сознания раздается тихий, но настойчивый тревожный сигнал. Он не улыбается.

– Что-то не так?

– Я прошу прощения.

Прежде чем я успеваю спросить, за что он извиняется, бог бросается на меня. Стакан падает на пол, разбиваясь вдребезги, когда его рука обхватывает меня, крепко удерживая, а вторая тянется к лицу. Я открываю рот, чтобы закричать, но в этот момент Гермес засовывает что-то туда – что-то горькое и неприятное. Он зажимает рукой мои губы и челюсти, вынуждая их сомкнуться.

– Глотай, – приказывает он.

Я мотаю головой так яростно, как только могу.

– Я не могу отпустить тебя, пока ты не проглотишь.

Я вновь пытаюсь вырваться, но бог неподвижен. С таким же успехом можно было побороться с деревом или скалой.

Почему я не просыпаюсь?

– Просто глотай, – говорит он. Это звучит как мольба.

Я сглатываю, и мое горло вздрагивает под его большим пальцем.

Гермес отпускает меня, и я отшатываюсь, глядя на него с напрасно поднятым кулаком.

– Хорошая девочка. А теперь спи. – Он выдувает воздух мне в лицо, и мир исчезает.

Этиолирование⁹

Я сажусь на кровати, резко вздохнув, и тут же начинаю задыхаться, когда что-то влажное и травянистое попадает мне в горло.

Я склоняюсь, судорожно откашливаюсь, пытаюсь освободить свои дыхательные пути, и колочу себя по спине, пока перед глазами не начинают искрить звезды. Когда мне кажется, что дело принимает опасный оборот, нечто неопознанное вылетает из горла и пикирует через всю комнату, оставляя после себя медный привкус во рту и слезы, градом текущие по лицу, стоит мне только вдохнуть благословенный воздух.

С учащенным дыханием я падаю обратно на кровать. Мои легкие горят огнем, а левая рука и плечо саднят от прикосновения с рукавом, словно обгорели на солнце.

Ох...

Я заставляю себя снова сесть, свесивая ноги с края кровати, расстегиваю куртку Мерри и морщусь, когда подкладка задевает кожу. А потом у меня перехватывает дыхание.

Выглядит так, словно кто-то вывел красной ручкой на моей руке корневую систему дерева. Линии тянутся вдоль моего плеча, подобно венам, словно морские водоросли стекают по руке. Я аккуратно надавливаю на них пальцем, и от

⁹ Этиолирование – процесс роста и развития растений в темноте.

острой боли меня бросает в пот.

Оставляю куртку на кровати и подхожу к шкафу, чтобы глянуть в зеркало на внутренней стороне двери. От увиденного у меня падает челюсть. Те же линии спускаются и по спине, исчезая под пижамой. Я приподнимаю футболку, прослеживая взглядом за узором, который обрывается прямо над бедром.

Молния.

Гермес... Я нагибаюсь и подбираю комок листьев, который он пытался заставить меня проглотить.

Во сне я прижала это нечто языком к небу, сделав вид, что проглатываю. Пришлось импровизировать, ведь быть отравленной мне совсем не хотелось.

Я не ожидала, что после пробуждения оно останется у меня во рту. Сны так не работают – оттуда нельзя прихватить что-то с собой. Сны не реальны.

Однако комок, твердый и вполне реальный, на моей ладони готов с этим поспорить.

Я прислоняюсь к комоду и сползаю на пол. *Какого фавна?*

Мозг кажется слишком большим для моей черепной коробки, он ударяется о стенки, будто пытается выбраться наружу – покончить с моим телом и всеми сопутствующими опасными приключениями. Внезапно мне становится жарко, словно в печке, пот струится по спине и подмышкам. Он обжигает шрамы, что оставили молнии, и те покалывают, словно по ним до сих пор течет электрический ток. Я чувствую

тошноту, моя голова кружится, а дыхание по-прежнему застревает в горле. «*Это паническая атака*», – говорю я себе, хотя знание симптомов не слишком помогает. Что нужно делать во время панической атаки? Какому богу молиться?

Забудем об этом. Зная мою удачу, с них станется явиться ко мне лично.

Это не был сон. Не мог быть. Гермес, *тот самый Гермес*, бог хитрости и воровства, стоял здесь, в моей комнате. Пялился на мои лифчики. У него кожа сияла серебром и ямочки играли на щеках; он заставлял меня забыть, что я когда-либо видела его – вообще что-либо видела.

А потом пытался меня отравить.

Я смотрю на комок зелени в своих руках, а затем осторожно нюхаю его, резко отшатнувшись от горьковатого запаха с привкусом железа. Что это? Откуда?

Опускаю голову к коленям, пока все мое тело сотрясает дрожь. «*Соберись*», – приказываю себе. Я дома, в безопасности. Все еще живая. Проснулась: я щипаю себя за голень, чтобы убедиться, и это в самом деле помогает. А Гермес покинул дом, вероятно поверив в то, что я проглотила яд или что бы там еще ни было. Так что, чисто теоретически, я в порядке – по крайней мере пока. Я считаю пульс, пока сердце не начинает замедляться и пока туман в голове не рассеивается. Я опустошена, словно выпотрошенная рыба. Мне нужен кофе.

На своих трясущихся ногах я решаю спуститься на кухню,

чтобы раздобыть себе дозу кофеина, а заодно найти пакет или контейнер для загадочного комка травы. Когда открываю дверь своей комнаты, замираю при виде Мерри с кружкой в одной руке, а другая приподнята вверх, готовая постучать. Она одета в элегантное черное платье, а ее волосы перевязаны черным платком.

«*Экфора*», – вспоминаю я, и перед моими глазами мелькает образ Бри на пляже. Я делаю шаг назад, пытаюсь спрятать поврежденную руку за дверь.

– Какого... – Ее рот широко распахивается, пока она разглядывает мои прилипшие к ногам джинсы и волосы, похожие на сноп сена. – Кори? Ты была в саду? Ты вымокла насквозь. – Она смотрит через мое плечо на кровать. – Это моя куртка? – Мачеха принюхивается. – Ты выпрямляла волосы? Или жгла свечи? Пахнет гарью.

– Мне нужно было... Я ходила... видела... Да. – Я не могу закончить ни одно из предложений, поэтому замолкаю, надеясь, что «Да» ответит на все вопросы.

– Ты разбила стакан? Кухня усыпана осколками.
Дыхание перехватывает, но мне удастся кивнуть.

– Прости, я приберу.

Мерри осматривает меня с ног до головы, и ее лицо принимает суровое выражение.

– Лучше сходи и прими душ, чтобы согреться, а одежду оставь в корзине с бельем, – наконец говорит она. – И постельное белье тоже. Одеяло положи на батарею. И мою

куртку тоже.

Я киваю, но остаюсь на месте.

Мерри вскидывает брови, а затем протягивает мне чашку с кофе, за которой я тянусь правой рукой. Я замечаю, что ее так и подмывает спросить, что происходит. Знаю, что мне многое прощалось из-за ситуации с Бри, но терпение мачехи иссякает, и я не могу ее за это винить.

– Спасибо, – шепчу я. – Мне очень жаль, Мерри.

– Ничего страшного. – На прощание она дарит мне «мы-еще-вернемся-к-этому-разговору» улыбку и направляется обратно к лестнице.

Я беру кофе с собой в ванную, только чтобы вылить после первого же глотка. Меня снова начинает потряхивать, и я решаю, что кофеин сейчас не лучшая идея. Я пытаюсь умиротворить панику, сосредоточиваясь по одной задаче зараз: нанести шампунь, смыть, *«Гермес был в твоей спальне»*, нанести кондиционер, *«Ты видела Бри»*, распределить по волосам, ополоснуть, *«Ты видела Аида»*, снова смыть, смыть, смыть. Вода щиплет шрамы от молнии, пока тепло волнами окутывает мое тело.

Но я все еще дрожу, когда выхожу из душа.

Мерри за это время успела поменять простыни и унесла одеяло. Я чувствую себя виноватой, когда залезаю в кровать, завернутая в полотенце, и сворачиваюсь в клубок на правом боку. Мачеха оставила мой телефон на зарядке, и я тянусь за ним, но меняю свое решение. Слышу отца, только что вер-

нувшегося с маяка, улавливая его шаги по лестнице. Они замирают, когда Мерри спрашивает, куда он идет.

– Разбудить Кори.

– Оставь ее, Крейг.

– Она будет жалеть об этом до конца жизни, если не простится должным образом.

– Крейг. – Глазговский акцент в голосе Мерри усиливается, и ступени больше не скрипят под папиным весом. Их голоса удаляются в сторону кухни. Они говорят обо мне. Я могла бы встать с постели и подслушать, прижав ухо к полу, но я не хочу ничего знать.

Час спустя, когда моя дрожь перешла в редкие спазмы, а неопикуемый ужас – во вполне терпимый страх, Мерри поднимается и стучится в дверь.

– Кори, мы уходим. Не знаю, когда мы вернемся, но у меня с собой телефон на беззвучном режиме. Звони, если что-то понадобится. – Она замолкает. – Ладно, детка. Увидимся позже.

Я слышу, как она спускается по лестнице, как открывается и захлопывается входная дверь. Я остаюсь одна.

Возможно, я должна позволить случившемуся остаться сном. Возможно, если усну прямо сейчас, то проснусь как новенькая. Без листьев во рту, без стекла на полу, без богов в своей спальне. Шрамы от молний могут стать проблемой, но сейчас зима, и длинные рукава их скроют, а со временем они поблекнут, правда ведь? Все со временем проходит. Время

лечит. Так мне всегда говорили. Надо просто подождать.

И все-таки... Я сажусь.

Я чувствую на себе Его взгляд, несмотря на расстояние и стены между нами. Гермес прав, я видела то, чего не должна была, а оно видело меня.

Мне нужно поговорить с сивиллой.

Экспозиция

Она, конечно, не настоящая сивилла, как знаменитые прорицательницы из Афин, Лондона и Нью-Йорка, утверждающие, что их устами глаголют боги – и кто знает, после сегодняшнего я готова им верить, – но именно так Бри называла ее, когда мы были маленькими, и прозвище прилипло к ней. Вообще-то, она ведьма.

Настоящая ведьма, накладывающая заклятия, гадающая по картам и танцующая нагой под полной луной. В детстве я была буквально *одержима* ею. Не потому что та была ведьмой, а потому что жила на собственном островке примерно в трех милях от Острова, сама выращивала свою еду и делала что душе заблагорассудится. Я хотела жить, как она, когда вырасту. А потом повстречала ее лично.

Первый раз к сивилле я попала вместе с Бри, и это случилось в тот же год, когда мы прокололи уши, за несколько дней до Тесмофории. Мы одолжили – читай «украли» – лодку кузины Бри и переплыли беспокойное море, потому что подруге позарез нужно было узнать свое будущее, и она была уверена, что сивилла расскажет ей об этом.

«Кор, я должна знать, что существует другая жизнь, кроме Острова. Обязана узнать».

Я отправилась с ней, потому что мне тоже нужно было узнать свою судьбу.

В какой-то момент во время летних каникул, которые он провел на материке, Али Мюррей внезапно из надоедливой мелкой козявки превратился в шестифутового широкоплечего красавца с отросшими кудрями вместо маминой стрижки. Он ворвался в класс за несколько секунд до звонка, скользнул на свое место и подмигнул мне, отчего я покраснела, осознав в тот же миг, что он горяч. Следующие два месяца я молилась Афродите, чтобы одноклассник обратил на меня внимание, чтобы я понравилась ему.

Это был первый секрет, который я утаила от Бри.

Следующий раз я побывала у сивиллы почти два года спустя. Я, стащив ночью лодку у кузена Бри, поплыла на остров в одиночестве, потому что мой парень едва ли отвечал на мои сообщения и постоянно куда-то исчезал, впрочем, как и моя лучшая подруга, которая растворялась в воздухе именно тогда, когда я больше всего в ней нуждалась.

В тот раз сивилла даже не потрудилась достать свои карты. Она оглядела меня снизу вверх, покачала головой и попросила еще раз повторить то, что я только что сказала. По-прежнему ничего не понимая, я повторила, пока она медленно кивала в такт моим словам, словно я была недалекой. И тогда я поняла, что действительно была дурочкой.

Я обозвала ее словом, начинающимся с той же буквы, что и «сивилла», и ушла. Через три дня я наконец-то получила ответ от Али, который предложил прогуляться до бухты и...

Сомневаюсь, что сивилла обрадуется, когда увидит меня

вновь, но я не вижу других вариантов. Если кто-то и может рассказать мне об этих листьях, то только она. И, когда я узнаю, что это такое, возможно, станет понятнее, в какую переделку я вляпалась. Гермес требовал все забыть, но он также говорил и о том, что наказания не последует, а потом пытался меня отравить. Мне пригодится любая помощь.

Положив полотенце на радиатор, я заворачиваю листья в салфетку. Затем надеваю чистые джинсы и свитер, провожу расческой по волосам и завязываю их на затылке в узел. На кухне натягиваю свои садовые ботинки и достаю из кладовой бутылку красного вина в качестве скромного подношения, дабы извиниться за прошлый раз. Пишу записку для папы и Мерри: *«Пришлось ненадолго выйти, не беспокойтесь. Все в порядке»*, – на случай если они вернутся раньше меня, а затем достаю из шкафа свой дождевик. Карманы шуршат, и я запускаю в них руки, вытаскивая оттуда пригоршню семян и внимательно разглядывая их. Интересно, что это? Впрочем, семена могут и подождать, поэтому я запикиваю их поглубже в дождевик, а сверху сую бутылку вина. Салфетку с загадочными листьями аккуратно убираю в другой карман.

Шторм закончился, и на улицах Дейли воцарилась тишина. На дверях магазинов и других заведениях развешаны таблички «Закрито», украшенные траурными лентами. Если бы не это, а также не лужи и слабые бляения овец, я бы испугалась, что вновь очутилась в том жутком сне, повторяя утро заново, словно попала в ловушку ужасного сизифова кошма-

ра. Мне было бы спокойнее, если бы по улице прошел хоть один человек, но, похоже, все отправились на похороны.

«Тем лучше, зато никто не увидит, как ты крадешь лодку», — думаю я, пробегая по мокрым дорожкам. И действительно, в гавани ни души, а в здании темно и пусто.

Катер Коннора, с небольшой каютой, пришвартован в дальнем конце крохотного причала, напротив маяка моего отца. Летом Коннор катает немногочисленные группы туристов, прибывающих на Остров, показывая им тюленей и китовых акул, что охотятся в наших водах, и туманно намекая на то, что можно увидеть русалок и сирен, если повезет. Это, конечно же, было ложью, потому что вода здесь слишком холодная для них. А зимой, как и большинство катеров и лодок, судно сиротливо покачивается на приколе. Целиком и полностью в моем распоряжении.

Заскакиваю в лодку, проверяю уровень бензина и нащупываю под панелью управления ключи, заботливо оставленные для меня хозяином. Выпрыгнув на берег, я отшвартовываю судно, сматывая и забирая с собой влажный проводочный канат, прежде чем возвращаюсь обратно и поднимаю якорь. Убедившись, что вокруг никого нет, я берусь за руль, вставляю ключи и завожу мотор, аккуратно отплывая от пристани в открытое море.

Островок сивиллы находится на противоположной стороне от того места, где я видела Загробный мир, и это радует. Я слежу, не появятся ли другие лодки или морские обитате-

ли, наблюдаю за чайками и бакланами, пролетающими над мной. Длинная темная тень мелькает под водой в нескольких метрах от меня, и я перевожу катер на круиз-контроль, обшаривая карманы в поисках телефона.

Тут-то я и вспоминаю, что он так и остался лежать в моей комнате на зарядке. Ругая себя на чем свет стоит, я ожидаю, что тюлень или дельфин, возможно, вынырнут на поверхность, но их отсутствие слегка оправдывает забытый телефон. Мне действительно нужно начать носить его с собой снова: это облегчило бы мне жизнь, если бы тогда я сделала фото Загробного мира. Я снова встаю за руль и направляю лодку к островку, который едва маячит на горизонте.

Когда огибаю остров, чтобы пришвартоваться к берегу, я замечаю лодку в открытом море, направляющуюся в сторону Острова. Она весельная, что и привлекает мое внимание: вода стекает с весел, когда те разрезают поверхность водной глади, прежде чем вновь погрузиться под волны, толкая лодку вперед. Гребец должен быть невероятно сильным, чтобы плыть по океану, а еще и не очень умным, особенно в такое время года. Я замедляю ход катера, чтобы не усложнять работу смельчаку водяными валами, и выглядываю, когда мы равняемся друг с другом.

Я вздрагиваю, увидев бледного, сероватого пассажира, который сидит на носу лодки, опустив голову и сложив руки на коленях. И вздрагиваю снова, когда замечаю фигуру в капюшоне с очень мощными руками, которые снова и снова раз-

резают веслами воду.

Нет. Не может быть.

Это Лодочник. Тот самый Лодочник.

Словно почувствовав мой взгляд, Лодочник поднимает голову, и его красные глаза встречаются с моими. Он замирает, а затем взмахивает рукой в знак приветствия, и я машинально отвечаю ему тем же, салютуя дрожащими пальцами. Так мы и минуем друг друга с приподнятыми ладонями, а после мрачный гребец вновь берется за весла, виртуозно рассекая беспокойное море. Когда я оглядываюсь, его там больше нет.

Гермес утверждал, что молния меня не убила. А еще я говорила с Мерри, пила кофе и принимала душ.

Но живые не могут видеть Лодочника.

Я вновь отпускаю руль и прикладываю два пальца к запястью, пытаюсь нащупать пульс. Хоть и учащенный, скачущий галопом, но он, безусловно, есть. На всякий случай проверяю вену на горле – вот они тикают, мои внутренние смертные часики. Я подношу руки к лицу и с шумом выдыхаю, чтобы почувствовать свое дыхание. Хорошо. И все же мне это не нравится. Не нравится видеть третьего по счету бессмертного всего лишь за сутки и, судя по всему, заключить некий контракт с четвертым, если учитывать молнию – а я их несомненно учитываю. Мне не нравится, что они вторгаются в мой мир.

Я прибавляю газу, продолжая путь к островку сивиллы.

Она поможет мне. У нее есть ответы. Должны быть.

Достигнув крохотной пристани, я подвожу лодку бортом и бросаю якорь. Ноги успели отвыкнуть от ощущения земли за столь короткое время, и я шатаюсь, пока привязываю лодку к ржавой свае. Дергаю за веревку, чтобы убедиться, что узел и древний причал держатся, а затем осторожно поднимаюсь по узкой лестнице, высеченной в скале и ведущей к вершине холма, где находится домик сивиллы.

Я добираюсь дотуда уже порядком уставшая: ноги болят от нагрузки, пораженную молнией руку покалывает под рукавом. В четверти мили от своего места нахождения замечаю дом сивиллы – такой же серый, как и небо, приземистый и округлый, – а из окон льется золотистый свет. Я начинаю спускаться по тропинке, репетируя свою речь. Начну с извинений. Потом предложу бутылку вина. А после... буду импровизировать.

Больше всего мне нравилось – и до сих пор нравится – в ведьме то, что она тоже садовница. Как моя мать. Как я. Интересно, встречались ли они когда-нибудь, пока мать еще жила здесь? Стоит узнать.

Когда я впервые попала на этот островок, стояло лето: сад благоухал цветами и зеленью, упитанные пчелы пьяно порхали между растениями, бабочки грелись на солнце, распахнув свои крылья. Во второй раз я мало что видела, потому что было темно, а все, о чем я могла думать – это Али. А сейчас, зимой, сад голый, но по-прежнему живой. Пока иду

к двери, я замечаю на грядках лук-порей толще моего предплечья, посаженный не рядами, как выращиваю я, а натыканный то тут, то там вокруг капусты и какого-то другого растения с темно-фиолетовыми листьями. Я не узнаю его и схожу с тропинки, чтобы рассмотреть поближе.

«Воровка», – произносит жесткий голос, и, повернувшись, я вижу сивиллу, стоящую в дверях небольшого сарая и наблюдающую за мной, рядом с ней виляет хвостом черный пес.

В прошлый раз, когда я была здесь – когда обругала ее, – она выглядела как древняя старуха и опиралась на трость, смутно напоминающую кость. В наш с Бри первый визит сивилла казалась едва ли старше нас, и только волосы ее были тронуты сединой. Я тогда подумала, как круто она выглядит, словно одна из тех девушек в социальных сетях, на которых мы засматривались во время ночных посиделок, представляя себя на их месте. Я попросила ее позвать свою бабушку, и ведьма разразилась каркающим смехом. «Я та, кого вы ищите. Я всегда она. Не важно, какое на мне лицо».

Я была ошеломлена, но не испугана. Почему-то приняла как данность, что она может менять свою внешность, отмаывать годы назад при желании. Это казалось вполне в ее духе.

Ведьма тоже знала, кто я, когда пригласила меня в дом по имени. Бри это не понравилось, и мне пришлось напомнить ей, что сивилле могла рассказать Мерри, которая приезжа-

ла сюда дважды в год, чтобы понаблюдать за чибисами, поскольку водила дружбу с хозяйкой.

Сегодня сивилла выглядит как ровесница моей мачехи, а ее волосы, заплетенные в толстые косы, перекинуты через плечи. Она одета в платье, очень похожее на то, что было на мне во сне: длинное и без рукавов, только черного цвета и без пояса на талии. Оголенные руки покрыты ровным слоем загара. Ноги тоже босые, как были мои. Я вздрагиваю. Это просто совпадение.

– Я не собиралась ничего трогать, – сообщаю я. – Я лишь хотела посмотреть, что вы выращиваете.

– Я говорила не про растения. Уже дважды ты украла лодку Коннора Давмюра. Третий раз – и она твоя.

– Не думаю, что закон мне позволит.

– А что ты можешь знать о законах? – отзывается она. – Вероятно, недостаточно, раз снова прибываешь сюда на украденной лодке. Чего ты хочешь? Пришла снова осыпать оскорблениями бедную одинокую женщину?

Я краснею.

– Простите меня за те слова. Мне не следовало так разговаривать с вами.

– Ты была зла, – говорит она, глядя мимо меня куда-то в сторону. – И до сих пор злишься. Ты – одна сплошная злость, она изливается из тебя, словно вино из треснувшего бокала.

Ее слова, так похожие на слова отца, смущают меня. Но также напоминают о моем даре, что я принесла с собой. Я

достаю его из кармана и протягиваю сивилле.

– Кстати о вине, это для вас. В качестве извинения. Вы были правы. Мне стоило прислушаться.

– Я всегда права. Оно тоже украдено? – Она кивает на бутылку.

– Оно из моего дома, – уклончиво отвечаю.

– Стало быть, ответ «да». – Она подходит и принимает бутылку, поворачивая ее, чтобы рассмотреть этикетку. – Недурно. Тебе, должно быть, действительно жаль. Или же ты не знала его ценности, когда брала. – Ведьма смотрит на меня, нахмурившись. – Итак, что ты задумала? – бормочет она, поднося руку к моему рту.

Я отстраняюсь, и она бросает на меня проницательный, испытующий взгляд.

– Тебе лучше зайти внутрь.

С этими словами она проскальзывает мимо меня в дом, собака бежит за ней по пятам, а я следую напрямик на кухню.

Собака сразу занимает место подле выдавшей виды старинной газовой печи, которая обогревает комнату. На плите в старой чугунной кастрюле булькает нечто, пахнущее сладостью и дурманом. Пол выложен черно-белой плиткой, напоминающей гигантскую шахматную доску, по которой я, словно пешка, следую за королевой. Мои глаза скользят по столешнице с вьёвшейся в дерево грязью, которая заставлена различными бутылками и банками, заполненными порош-

ками, травами, листьями и жидкостями. Единственное окно заросло мхом, а в банках из-под варенья нашли себе теплый приют какие-то растения. Ведьмовские дома в сказках всегда представляются какими-то жуткими и страшными, но в этом доме я была бы счастлива. Не хватает разве что нескольких кошек. И симпатичного лесника по соседству. Я думаю о юноше с Тесмофории, и бабочки порхают у меня в животе.

Сивилла ставит бутылку вина на испещренный зазубринами дубовый стол, занимающий полкомнаты, и направляется к раковине, чтобы вымыть руки. Я наблюдаю, как вода смывает землю и грязь, и гляжу на собственные руки, на въевшуюся черноту под ногтями. «Садоводство – это скучно», – сказал Али. Дурак.

Она оборачивается ко мне, вытирая руки о подол платья, и слегка улыбается.

– Скажи мне, Кори Аллауэй, что привело тебя ко мне вновь. И не трать мое время, если это снова из-за мальчишки Мюррей. Я уже дважды говорила, что он не для тебя.

Мои щеки пылают.

– Это не из-за него.

– Да неужели. – Ведьма лукаво улыбается, словно мы две заговорщицы. – Тогда рассказывай.

Я глубоко вздыхаю и достаю из кармана бумажный сверток. Осторожно разворачиваю его под пристальным взглядом сивиллы и протягиваю ей салфетку, в центре которой выделяется комочек травы. Ведьма принимает ее, внимательно-

но разглядывает, принохивается и снова поднимает на меня взгляд. Ее улыбка исчезла, сменившись пронизывающим взглядом. Мы больше не заговорщицы.

– Где ты это достала? – Ее голос дрожит.

– Что «это»? – спрашиваю я.

– Ответь мне, где ты это достала.

Я колеблюсь.

– Мне приснился сон, – начинаю я. – Только не думаю, что это был сон. Не совсем. – Вслух это звучит куда абсурднее, чем в моей голове, но сивилла кивает, и я продолжаю: – Я возвращалась из... одного места, – поправляю себя. – И в меня попала молния.

Ее глаза расширяются.

– Покажи мне, – требует ведьма. – Покажи мне, куда.

– Кажется, она и не должна была меня убить, – бормочу я, расстегивая дождевик и снимая левый рукав. Задираю свитер и поворачиваюсь, показывая ей свою спину.

Сивилла пробегает холодными пальцами по шрамам, очерчивая некоторые из них.

– Ты в порядке, – говорит она. – Несколько дней поболит, возможно, немного сдавит грудь, но тебе повезло. Я могу дать что-нибудь, чтобы немного облегчить процесс. А с чего ты взяла, что она не должна была тебя убить?

Я опускаю свитер и снова надеваю дождевик, прежде чем ответить:

– Мне поведал об этом тот, кто дал эти листья. – Я слыш-

ком напугана, чтобы произносить его имя на случай, если он каким-то образом сможет услышать. Проблем мне и без этого хватает. — Думаю, он отнес меня домой после удара молнии и, пока я была в отключке, проник в мой сон. Там он пытался заставить меня кое-что сделать, а затем затолкал эти листья мне в рот. Но я не проглотила, лишь притворилась. А когда проснулась, листья все еще были у меня во рту, — завершаю рассказ. — Поэтому я сомневаюсь, что это был сон. Но не понимаю, как он мог быть реальностью.

Прекрасное предложение, чтобы подытожить события последних суток.

Сивилла задумчиво смотрит на меня.

— Я спрошу еще раз, что ты задумала?

— Я просто хочу узнать, что это. Вы можете мне сказать? —

Я киваю на комок зелени в ее руке. — Это яд?

Она раскладывает листья на ладони.

— Это непенф.

— Что за непенф? — спрашиваю я. Никогда не слышала об этом.

Ведьма кусает губы, подбирая слова, прежде чем отвечает мне:

— Разновидность водяной лилии, что растет в водах Леты. Только в Лете. Ты знаешь, что это за река? Где она протекает?

Я слегка киваю, мое сердце замирает. Стоило догадаться.

— В Загробном мире.

Значит, листья передал Аид. Должно быть, отдал Гермесу на случай, если я откажусь забыть или попытаюсь бороться. Или чтобы убедиться, что я сдержу свое слово.

– Ты не кажешься удивленной, – говорит ведьма. – Человек, который дал тебе это, как он выглядел? Темноглазый? Темноволосый? Смертельно бледный?

– Это был не он. Это был не Аид, – произношу я его имя. – Гермес дал мне их. – Мой голос едва слышен. – Но он пришел с посланием от... другого. Так что... – Я прерываюсь.

Сивилла кладет непенф на стол и подходит к комоду, открывая ящик и начиная в нем яростно копать. Я смотрю на пучок влажных листьев. Они совсем не похожи на выходцев из Загробного мира. Они похожи на листья крапивы, которые я однажды пыталась заварить в чай. С растениями всегда стоит быть начеку: можно запросто съесть или потрогать что-то смертельно опасное, не зная этого, а к тому времени, как ты осознаешь, оно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.